

18+

Лидия Струговщикова

УВИДЕТЬ СВЕТ

Роман

Лидия Струговщикова

Увидеть свет. Роман

«Издательские решения»

Струговщикова Л.

Увидеть свет. Роман / Л. Струговщикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-598193-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Иногда мы так сильно любим, что не замечаем очевидного, порой терпим боль, которую не заслуживаем. В жизни Вики присутствует молодой, уверенный в себе, мужчина, в которого она готова влюбиться без оглядки. Но появляется парень из прошлого и воспоминания так сильны. С чем придётся справиться этой молодой девушке? Какой выбор ей нужно будет сделать? Об этом расскажет этот откровенный роман.

ISBN 978-5-00-598193-6

© Струговщикова Л.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Кризис семьи: от замалчивания к глобальной проблеме	6
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Увидеть свет

Роман

Лидия Струговщикова

© Лидия Струговщикова, 2025

ISBN 978-5-0059-8193-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Кризис семьи: от замалчивания к глобальной проблеме

Мир стремительно меняется, и вместе с ним трансформируются и устоявшиеся социальные институты, словно они не выдерживают натиска времени. Одним из самых болезненных и тревожных изменений является эрозия института семьи, который казался нам незыблемым. То, что ещё недавно казалось непоколебимым и нерушимым, сегодня подвергается серьёзным испытаниям, и мы с ужасом наблюдаем за его разрушением. Мы всё чаще слышим о разводах, насилии в семьях, которое скрывается за закрытыми дверями, и, что особенно пугает и вызывает дрожь по телу, – об убийствах на почве бытовых конфликтов, где рушатся судьбы и жизни людей. От всего этого по большей части страдают дети, которые становятся свидетелями насилия и раздора между самыми близкими людьми, получая психологические травмы на всю жизнь.

Эта книга как раз затрагивает многие проблемы, возникающие в семье и обществе в целом под влиянием этого процесса, показывает нам, как меняется отношение людей к браку, к семье, к детям, и к самим себе, и как это влияет на их судьбы. Она заставляет нас задуматься о том, что происходит с нашим обществом.

Вспоминая советскую эпоху, нельзя не отметить, что общественное мнение играло значимую роль в сохранении семей. Отклонение от нормы, будь то измена или недостойное поведение, не оставались без внимания. Такие вопросы выносились на обсуждение, осуждались на собраниях, и люди, по крайней мере внешне, старались сохранить семью. Пусть это порой и носило формальный характер, но определенный сдерживающий фактор существовал.

Сегодняшнее общество, декларируя свободу и вседозволенность, порой скатывается к хаосу. Границы дозволенного размываются, и мы наблюдаем катастрофический рост разводов, а насилие в семьях из латентной проблемы превращается в открытую рану. Новостные ленты пестрят заголовками о бытовых скандалах, заканчивающихся побоями и даже убийствами. Раньше это замалчивалось, считалось делом «внутрисемейным», но когда проблема приобретает масштабы эпидемии, молчать уже невозможно.

Эта проблема перестала быть личной трагедией отдельных людей. Она превратилась в глобальную проблему, которая бьет по обществу в целом. Рост числа разводов влечет за собой не только личные драмы, но и социальные последствия, такие как:

Ухудшение демографической ситуации: Распад семьи снижает рождаемость, ведь именно семья является естественной ячейкой для воспроизводства населения. Дети, выросшие в неполных семьях, нередко испытывают психологические трудности и имеют меньше шансов на успешную социализацию.

Рост насилия: Насилие в семье – это не только физическое, но и психологическое давление, которое разрушает личность и травмирует детей. Дети, выросшие в атмосфере насилия, часто сами становятся жертвами или агрессорами.

Повышенная смертность: По данным исследований, люди, пережившие развод или насилие в семье, чаще подвержены депрессиям, тревожным расстройствам и, как следствие, имеют более высокий уровень смертности.

Снижение уровня доверия в обществе: Распад семьи подрывает доверие не только между супругами, но и между людьми в целом. Разочарование в близких людях ведет к социальной апатии и отчуждению.

Причины этого кризиса многообразны и сложны. Это и экономические трудности, и социальная нестабильность, и отсутствие четких нравственных ориентиров. Но главное –

это потеря понимания ценности семьи как основы общества, утрата уважения и терпимости в отношениях между супругами.

Что же делать? Необходимо признать, что институт семьи нуждается в поддержке и защите. Это не означает возвращения к устаревшим формам и методам. Это означает поиск новых путей укрепления семьи, пропаганду нравственных ценностей, уважения и любви.

Необходимы комплексные меры, включающие:

Образование и просвещение: С раннего возраста необходимо обучать детей ценности семьи, ответственности, основам взаимопонимания и ненасильственного общения. **Психологическая помощь:** Необходимо сделать психологическую помощь доступной для всех, кто столкнулся с проблемами в семье. **Юридическая поддержка:** Необходимо ужесточить наказание за домашнее насилие и обеспечить защиту жертв. **Социальная поддержка:** Необходимо создавать программы поддержки молодых семей и одиноких родителей. **Активное участие общества:** Каждый из нас должен осознать свою ответственность за сохранение семьи и не оставаться равнодушным к проблемам других.

Кризис семьи – это не приговор, а вызов. Мы должны объединить усилия, чтобы преодолеть его. Мы должны понять, что сильная семья – это залог процветания общества и благополучия будущих поколений. И начинать нужно с себя, со своих собственных семей, с воспитания своих детей в любви, уважении и взаимопонимании. Только тогда мы сможем вернуть семье её истинное значение и сделать наше общество более здоровым и счастливым.

ГЛАВА 1

Вика, словно маленькая бабочка, устроилась на краю крыши своего трехэтажного дома. Вечерний сумрак опускался на город, окутывая его мягким покрывалом, сотканным из огней машин и спешащих силуэтов прохожих. Внизу, жизнь пульсировала своим обычным ритмом, но на крыше царила своя, особенная атмосфера. Вика, казалось, сроднилась с этим пространством, с его шершавой прохладой и умиротворяющей тишиной, нарушаемой лишь шёпотом ветра.

С крыши открывался вид на соседний дом – близнец их собственного, такой же трехэтажный, словно брат-близнец, только молчаливый и закрытый. Вика часто бросала туда взгляд, по привычке, выискивая движения на его крыше. За годы её «крышных» вылазок, чердачное окно этого дома всегда оставалось черным и безмолвным. До вчерашнего вечера.

Сегодняшний вечер ничем не отличался от других. Городские огни уже зажглись во всю мощь, и Вика, прислонившись спиной к теплой трубе, наслаждалась этой успокаивающей картиной. Ветер играл с ее волосами, лаская кожу, и словно принося с собой запахи вечернего города. Ей нравилось это ощущение – отдаленности, отрешенности от повседневной суеты. Именно здесь, на крыше, она могла спрятаться от громких ссор родителей, от обид и непонимания. Здесь она либо просто наблюдала за миром, либо полностью погружалась в свои рисунки, создавая собственные миры на листах бумаги, разбавляя реальность красками своих фантазий.

Но тут, во мраке между двумя домами, вспыхнул слабый отблеск. Не яркий электрический свет, а скорее мерцающий блик свечи, пробивающийся из чердачного окна соседнего дома. Сердце Вики на миг замерло. Не может быть! Неужели кто-то наконец-то появился на «их» крыше? Стремительно проскочив обратно в квартиру, она достала старый отцовский бинокль, его верного помощника в наблюдении за птицами, и вновь оказалась на крыше. Прильнув к окулярам, Вика изо всех сил пыталась рассмотреть, что же происходит в соседском чердаке. Но темнота была слишком густой, словно чернильная пелена, и не поддавалась никаким попыткам. Лишь расплывчатое пятнышко света, похожее на язычок пламени, иногда вспыхивало и тут же гасло в глубине чердачного проема.

Прошло несколько минут, наполненных тихим ожиданием. Вика так и не смогла разглядеть ничего конкретного. Вдруг, как и появился, свет в соседском чердаке бесследно исчез, словно и не было его вовсе. Теперь на месте недавнего мерцания зияла лишь привычная черная пустота. В душе у Вики остался только рой вопросов и странное, щемящее любопытство, тревожащее, как слабый укол от занозы. Этот неожиданный огонек в черном проеме чужого дома разбудил что-то внутри неё. То, что раньше было просто привычным наблюдением, теперь стало загадкой, которую Вике во что бы то ни стало захотелось разгадать.

Утро прокралось в комнату Вики нежным, солнечным лучом, пробившимся сквозь щель в занавесках. Но вместо привычного утреннего сонного оцепенения, ее пронзила искра любопытства. Вчерашний ночной гость из соседского чердака словно не давал ей покоя, засев где-то в уголке сознания. Позабыв обо всём, Вика бросилась к окну, словно повинувшись невидимому зову. И её глазам предстало поистине удивительное зрелище.

На крыше соседнего дома, словно внезапно возникнув из ниоткуда, мелькнула фигура. Вика вжалась в оконное стекло, наблюдая за тем, как из чердачной двери появляется парень. Он был невысок, с темными волосами, и за спиной у него висел большой, потрепанный рюкзак. Парень, словно опасаясь, что его могут увидеть, огляделся по сторонам, и, убедившись, что крыша пуста, проворно спустился по пожарной лестнице. Вскоре он уже стоял на тротуаре, направляясь к автобусной остановке. Вика никогда его раньше не видела, а ведь она знала

практически всех в их районе. Это было так же странно, как если бы на их улице вдруг вырос бы новый дом.

Привычно спустившись вниз, Вика села в автобус, привычно заняв свое место в середине салона. Она краем глаза заметила, как парень, словно тень, проскользнул на сиденье позади неё. Он словно специально старался не привлекать внимания. Вика, затаив дыхание, незаметно наблюдала за ним через отражение в окне. Она рассматривала его неровно подстриженные волосы, бледное лицо и слегка потерянный взгляд. Он казался немного взъерошенным, словно только что проснулся, и в то же время был каким-то по-своему загадочным.

И тут, словно по щелчку, пазл сложился. Вика с изумлением осознала, что парень, словно тень, сошедшая со страниц таинственной книги, вышел из автобуса именно на её остановке, прямо у школьных ворот. Невероятно! Значит, он тоже учится в их школе! Как же она могла его раньше не замечать? Этот вопрос метался в её голове, как заблудшая птица в клетке. Вика напрягла память, стараясь вспомнить хоть какое-то упоминание о нём, но тщетно – он был словно призраком, возникающим из ниоткуда. Она не отрываясь, наблюдала за ним, пока он, слегка сутулясь, шёл по направлению к главному входу школы. Внутри Вики росло не просто недоумение, а настоящий рой вопросов. Почему он выбрал чердак соседнего дома в качестве ночлега? Неужели это был какой-то протест, глупый спор с друзьями, или, может, это часть какой-то тайной игры, в которую он втянул сам себя?

Этот день в школе стал для Вики настоящей пыткой. Она, словно зачарованная, пыталась слушать учителей, но все её мысли вертелись вокруг загадочного незнакомца с соседской крыши. Она то и дело ловила себя на том, что ее взгляд устремлен куда-то в пустоту, а в воображении всплывает силуэт парня с потрепанным рюкзаком, выходящего из чердачной двери. Уроки проносились как в тумане, а время тянулось мучительно долго. Когда же, наконец, прозвенел звонок, от которого, казалось, уши протрезвели, и Вика вырвалась из душных классов на улицу, она с облегчением вдохнула свежий воздух. Но стоило ей сделать несколько шагов, как её сердце снова забилося сильнее – парень-загадка шел впереди, слегка сутулясь, словно неся на плечах невидимое бремя.

В автобусе Вика вела себя как настоящий шпион. Она нарочито отворачивалась к окну, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, а сама, краем глаза, наблюдала за ним через отражение в стекле. Ей казалось, что он может почувствовать её пристальный взгляд и заподозрить неладное. Наконец, наступил момент их остановки. Вика вышла из автобуса, стараясь не смотреть на него, но тут же с замиранием сердца заметила, что он не пошёл в сторону их домов. Он свернул в другую сторону, и его фигура как-то стремительно уменьшалась на фоне вечерних улиц. Любопытство, словно маленький бесёнок, разбушевалось в душе Вики, и она, словно ведомая невидимой нитью, незаметно пошла за ним, стараясь оставаться в тени и не выдавать себя. Она шла, повинаясь какому-то внутреннему зову, но парень снова направился к соседнему подъезду.

Сердце колотилось в груди у Вики, словно пойманная птица, и она, словно реактивный самолет, ворвалась в свою квартиру, захлопнув за собой дверь. Она чувствовала себя одновременно и шпионкой, только что выполнившей секретное задание, и нашкодившим ребенком, застигнутым на месте преступления. Ей нужно было убедиться, что она не сошла с ума, что все, что она видела, происходило на самом деле. Она, как ошпаренная, выскочила на балкон, словно пытаясь поймать ускользающие мгновения, и как будто проверяя, не привиделось ли ей все это. И точно, спустя несколько томительных минут, которые показались ей вечностью, она увидела знакомую фигуру. Парень, словно искусно созданная тень, ловко и бесшумно проскользнул в подъезд соседнего дома, растворившись в темноте его проема, как призрак. Вика с удовлетворением отметила, что он, видимо, не решался лезть по пожарной лестнице на крышу днем,

осознавая, что таким образом он может привлечь к себе лишнее внимание. Это наблюдение заставило ее задуматься – он явно не хотел, чтобы его секрет был раскрыт, и это разжигало ее любопытство с новой силой.

Первая, спонтанная мысль Вики была немедленно поделиться своим открытием с мамой. Она представила себе, как взволнованно рассказывает обо всем происходящем, как мама, как настоящий профессионал в сфере образования, непременно отреагирует и поможет парню. Ведь ее мама работала в школе и наверняка имела опыт в подобных ситуациях. Если у парня проблемы дома, то мамина помощь могла бы оказаться неоценимой. Но тут же, словно внезапно налетевший порыв холодного ветра, ее пыл охладился. «Стоп, Вика, – сказала она себе. – Это же не твоя забота! Зачем совать нос в чужие дела? Пусть парень сам справляется со своими проблемами». В этот момент Вика почувствовала себя, словно запуталась в паутине противоречивых чувств, и не могла решить, что ей делать.

И все-таки, несмотря на свои колебания, она решила дать этой загадочной истории немного времени. Возможно, это действительно просто какая-то нелепая шутка, или парень временно сбежал от своих родителей, и через несколько дней он вернется домой и все утрясется. Ведь и ей самой, хоть иногда, хотелось убежать от всего и побыть наедине со своими мыслями. «Да, – подумала Вика, – я просто подожду несколько дней, посмотрю, что будет дальше. А потом, если ничего не изменится, то тогда, возможно, я и расскажу кому-нибудь о своем загадочном соседе». И она с облегчением выдохнула, почувствовав, как напряжение постепенно отступает. Но, как маленькая искорка, в её сердце по-прежнему тлело любопытство. И пока, до поры до времени, эта тайна останется их маленьким, общим секретом – её и таинственного парня с соседской крыши.

В вихре школьных будней, между разговорами о контрольных и планах на выходные, Вика, словно искусный детектив, собирала по крупинкам информацию о своем таинственном соседе. Она ловко вплетала его имя в разговоры с подругами, словно невзначай, и так, слово за слово, смогла выяснить некоторые детали его личности. Теперь она точно знала, что он не просто какой-то случайный бродяга, а вполне себе реальный ученик их школы. Она уже не раз видела, как он каждое утро, словно проснувшийся лесной зверек, появлялся на крыше соседнего дома, держа в руках бутылку с водой. Она наблюдала из своего окна, как он, не спеша, умывался и чистил зубы, используя крышу в качестве импровизированной ванной комнаты. Прошло уже два долгих дня, наполненных размышлениями и переживаниями, а Вика всё никак не решалась кому-либо рассказать о своей тайне. Каким-то образом ей казалось, что как только она расскажет это кому-то другому, магия этой тайны исчезнет.

Всякий раз, когда она задумывалась о том, чтобы всё-таки рассказать кому-нибудь о нём, её словно сковывал невидимый страх. «А что если меня неправильно поймут? А что если я нарушу его тайну?» – эти мысли терзали её, заставляя оттягивать этот момент. Но любопытство не давало ей покоя, и она продолжала свои тайные наблюдения. Теперь она знала, что его зовут Артемий Воронов, и он учится в старших классах их школы. Это все, что ей удалось узнать из обрывков разговоров, а этого, конечно же, было слишком мало. Вике хотелось заглянуть за эту завесу таинственности, узнать, что движет этим парнем, и почему он предпочел чердак обычной кровати.

И вот, когда она ехала в автобусе вместе с Катей, она снова, словно невзначай, завела разговор об Артемии. Она, с наигранной небрежностью, спросила:

– А ты знаешь Артемия Воронова? Он вроде из старших классов. Катя, с округлившимися от удивления глазами, ответила:

– Конечно, знаю! Он же у нас в школе учится! А что?

И Вика, затаив дыхание, продолжила свой допрос:

– Да нет, ничего. Просто интересно, он же ни с кем не общается. И тут Катя, как будто открыла ящик Пандоры:

– Учится он средне. Да и вообще, он действительно какой-то замкнутый, ни с кем особо не общается. Станный он какой-то. Но тут же к этим поверхностным характеристикам Катя добавила еще кое-что, от чего у Вики внутри всё перевернулось:

– Я больше ничего о нём не знаю, но от него воняет. И она с отвращением сморщила нос, словно её действительно передернуло от неприятного запаха.

Вике в этот момент захотелось отчитать Катю, сказать ей, что он ни в чём не виноват, что ему просто негде помыться, ведь на крыше нет душа. Она хотела защитить Артемия, этого таинственного парня, который так мужественно переносил все тяготы своей непростой жизни. Но вместо этого она просто промолчала, оглянувшись через весь автобус и с грустью посмотрела на Артемия. Видимо, она смотрела слишком долго и слишком пристально, потому что в какой-то момент он повернул голову и заметил её взгляд.

Вернувшись домой, Вика чувствовала себя какой-то разбитой и опустошенной. Слова Кати про «запах» застряли у неё в горле комом, оставив после себя неприятный осадок. Чтобы немного отвлечься и привести свои мысли в порядок, она вышла на балкон. Расположившись в старом, потрепанном кресле, она достала свой любимый скетчбук и карандаш. Но рисование сегодня не шло на лад. Вика пыталась сосредоточиться на набросках, но все её мысли вновь и вновь возвращались к Артемию. Она представляла себе, как он каждый день, словно отшельник, проводит ночи на холодном чердаке. Если у него нет возможности принять душ, то, вероятно, у него нет и нормальной еды. И от этой мысли её сердце сжималось от сострадания.

И внезапно в голове у нее вспыхнула идея. Она почувствовала, что просто обязана сделать что-то хорошее для этого таинственного парня. Она, словно по наитию, встала с кресла, отбросив в сторону карандаш, и направилась на кухню, как будто ее вели неведомые силы. Без лишних раздумий она принялась за дело. Она сделала пару сытных бутербродов с колбасой и сыром, бережно вытащила из холодильника небольшой пакетик сока и, чтобы немного подсластить его жизнь, добавила еще и пакетик чипсов с сушками. Она аккуратно сложила все это съестное добро в небольшой пакет и, стараясь не шуметь, отправилась в соседний подъезд.

Вика, осторожно и тихо подобралась к двери чердака, прислушалась, и, убедившись, что никого поблизости нет, постучала еле слышно. Она была уверена, что Артемий находится именно там, в своем тайном убежище, и как только она слегка коснулась пальцами шершавой поверхности двери, она тут же, с быстро бьющимся сердцем, побежала обратно в свою квартиру. По пути, ей послышался сверху какой-то приглушенный шум, и она, убедившись, что её «гуманитарная помощь» доставлена адресату, поспешила скрыться. Она, как партизан, выполнивший свою миссию, чувствовала легкое волнение и тревогу.

Вернувшись к себе домой, она тут же выскочила на балкон. Она, как зачарованная, окинула взглядом соседний дом. Он словно был как на ладони, даже крыша, ставшая для Артемия родным пристанищем, была хорошо видна с её балкона. И тут, словно по мановению волшебной палочки, она увидела его. Артемий сидел на соседней крыше, на том же самом месте, где она обычно любила наблюдать за закатами. Он сосредоточенно ел бутерброды, запивая их соком, и в этот момент Вика почувствовала, как в её душе разливается тепло, словно от маленького, но такого важного и нужного доброго поступка.

В тот самый момент, когда Вика наблюдала за Артемием, уплетающим её бутерброды на крыше, она внезапно почувствовала, что он тоже смотрит в её сторону. Её сердце пропустило удар. Он знал! Он знал, что она видела его, он знал, что она в курсе его тайной жизни на чердаке. И этот пронзительный взгляд, которым он смотрел прямо на неё, как будто пронзал её насквозь, словно пытался заглянуть в самую её душу. Это было так неожиданно, так волни-

тельно. В одно мгновение они стали сообщниками общей тайны, и это осознание наполнило её какой-то странной смесью неловкости и трепета. Она почувствовала, что теперь между ними пролегла невидимая связь, соединяющая их, как две половинки одного целого, и это чувство было одновременно и пугающим, и притягательным. Она начала лихорадочно думать, что бы она ему сказала, если бы он вдруг подошел к ней и заговорил. Она прокручивала в голове варианты ответов, словно готовясь к важному экзамену, но, как назло, все слова, которые приходили на ум, казались ей глупыми и неуместными.

На следующий день, словно по какому-то таинственному сговору, Вика увидела Артемия на автобусной остановке. Сначала они были совсем одни, и Вика чувствовала себя крайне неловко. Она старалась не смотреть в его сторону, но при этом все её внимание было приковано к нему. Она чувствовала его присутствие каждой клеточкой своего тела, словно между ними было некое невидимое поле. Она то и дело бросала на него украдкой взгляд, и каждый раз, когда их глаза случайно встречались, её сердце начинало бешено колотиться. В этот момент ей хотелось, чтобы автобус подъехал как можно скорее, чтобы этот момент неловкого молчания поскорее закончился. Она видела, как автобус выезжает из-за поворота, и она, словно спасаясь от опасности, буквально молила, чтобы он ехал немного быстрее. В её голове проносились обрывки мыслей, она вспоминала его взгляд на крыше, и ей стало казаться, что она совершенно не знает, как себя вести в такой ситуации.

В ту секунду, когда автобус, с характерным шипением, остановился перед ними, Артемий неожиданно подошел к ней на шаг ближе. Он не поднимал глаз, словно боялся увидеть в её взгляде неприязнь, и его голос, еле слышный, как дуновение ветра, произнес всего лишь одно короткое слово:

– Спасибо.

Это было первое слово, которое она услышала из его уст, и оно было настолько неожиданным, что Вика на мгновение замерла, словно парализованная.

Двери автобуса открылись, и, как истинный джентльмен, Артемий пропустил её вперед. Вика, не сказав ни слова в ответ, вошла в салон, но это произошло не из-за её невежливости. В тот момент, когда он произнес это «Спасибо», её словно ударило током. Её пронзила волна мурашек, пробежавших по всему телу, словно от прикосновения к чему-то непостижимому. Этот его тихий, немного хрипловатый голос, прозвучал в её ушах, как волшебная мелодия, оставив после себя ощущение тайны и какого-то необъяснимого трепета.

В автобусе, словно по негласному соглашению, Артемий не стал садиться рядом с ней. Он занял место где-то в другом конце салона, и всю дорогу они ехали молча, стараясь не встречаться взглядами. Вика чувствовала себя так, словно они оба носили на себе невидимые маски, скрывая свою неловкость и смущение за маской безразличия. Она то и дело ловила себя на том, что её взгляд непроизвольно тянется к Артемию, но как только она замечала, что он тоже смотрит в её сторону, она тут же отворачивалась к окну, делая вид, что её очень интересуют мелькающие за ним дома и деревья. Внутри нее кипел целый океан противоречивых чувств – любопытство, смущение, и какое-то странное, волнующее предчувствие.

После школы, когда она снова села в автобус, её сердце снова забилося с удвоенной силой. Она оглядела салон, отыскивая глазами знакомую фигуру, но Артемия не было видно. Вика уже начала думать, что он, возможно, не поедет сегодня этим автобусом, когда двери в задней части салона открылись, и она увидела, как он заходит внутрь, последним, словно специально дожидаясь, пока все остальные пассажиры займут свои места. Она сразу поняла, что он не ищет свободное место. Его взгляд, проскальзывающий по лицам сидящих, был каким-то особенным, и Вика с первого взгляда поняла, что он ищет именно её.

В тот самый момент, когда их глаза, наконец, встретились, Вика, смутившись, очень быстро отвела взгляд в сторону, опустив его на свои колени. Она ненавидела себя за это чувство

неловкости и неуверенности, которое неизменно возникало у неё при общении с мальчиками. Ей казалось, что она превращается в какого-то глупого подростка, не знающего, как вести себя в таких ситуациях. «Может быть, это придёт с возрастом,» – подумала она, с надеждой на то, что когда ей, наконец, исполнится шестнадцать, она станет более раскованной и уверенной в себе.

И тут Артемий, словно нарушая все её ожидания, направился к ней. Он, словно не замечая пустых мест, сел рядом с ней, бросив свой потрепанный рюкзак на пол между своими ногами. И тут, на расстоянии вытянутой руки, Вика почувствовала то, о чём говорила Катя. От Артемия действительно исходил неприятный запах, запах застоявшейся воды и немытого тела, но она не осудила его за это. Она знала, где он живёт, она видела, как он каждое утро умывается на крыше, и она понимала, что у него нет никакой возможности принять нормальной душ. Она не могла винить его за это, напротив, её сердце переполняла жалость и сочувствие к этому странному, но такому загадочному парню с соседней крыши.

Сначала Артемий молчал, словно подбирая нужные слова или стараясь обуздать свои эмоции. Он нервно теребил дыру на своих старых, выцветших джинсах. Это была не та стильная прореха, которую намеренно делают на модной одежде, чтобы придать ей небрежный вид. Вика, с грустью, заметила, что это самая настоящая дыра, свидетельствующая о бедности и запущенности. Джинсы явно были ему малы, они не закрывали его лодыжки, но при этом, благодаря его худобе, они сидели на нём в остальных местах вполне сносно. По тому, как он теребил дыру на джинсах, было видно, что он не знает, с чего начать разговор. Он, как будто, прокладывал тропу в неизведанную страну, и не знал, какое слово станет первым шагом в этом странном путешествии.

И тут, наконец, нарушив тишину, он произнёс тихим голосом, полным беспокойства:

– Ты кому-нибудь сказала?

Вика, с удивлением и легким трепетом, повернула голову к нему. Он смотрел ей прямо в глаза, без стеснения, но с каким-то явным волнением. Вика впервые по-настоящему рассмотрела его, и ее поразила какая-то контрастность его облика. У него были тёмно-каштановые волосы, но она подумала, что, возможно, если бы он их вымыл, они бы не были такими темными и тусклыми. А вот глаза, напротив, поражали своей яркостью и сиянием, словно два маленьких кусочка неба, попавшие в его лицо. Настоящие голубые глаза, как небо в ясную погоду, – это первое, что пришло ей в голову, когда она увидела их. Она, как будто, разглядела за внешней оболочкой что-то настоящее и чистое.

Она отрицательно покачала головой, словно не желая обмануть его даже маленькой ложью, и снова отвернулась к окну, стараясь скрыть своё смущение. Вика ни капельки не сомневалась, что после её отрицательного ответа он встанет и пересядет на другое место, так как уже выяснил то, что его интересовало. Но Артемий не двинулся с места. То, что он продолжал сидеть рядом, и не отворачивался от неё, придало ей немного смелости. Она, прошептав тихим голосом, словно боялась, что их кто-то услышит, спросила:

– Почему ты не живёшь дома с родителями?.

Артемий молчал несколько секунд, внимательно наблюдая за ней. Он, как будто, пытался решить, можно ли ей доверять, стоит ли делиться с ней самым сокровенным. Потом, с заметной тяжестью в голосе, он ответил:

– Потому что они этого не хотят.

Эти слова прозвучали так, словно он произнес приговор собственной судьбе, и Вика, услышав их, почувствовала, как сердце её сжалось от боли и сочувствия.

После ответа Артемия о том, что его родители не желают, чтобы он жил дома, он внезапно встал и, не оборачиваясь, пошёл вперёд. Вике на мгновение показалось, что она чем-то его

обидела, но затем она поняла: автобус подъезжал к их остановке. Она схватила свои сумки и выскочила из автобуса, следуя за ним. В этот раз он не пытался скрыться, не заходил в какие-то закоулки, не обходил квартал, чтобы она не могла видеть, как он поднимается по пожарной лестнице или проникает в подъезд. Он шёл прямо, открыто, ничего не скрывая. Обычно, когда они встречались на остановке, он уходил в другом направлении, а она, после краткого взгляда на его фигуру, вспоминала тот неловкий, отчаянный взгляд в глаза. В этот раз он шёл вместе с ней к её дому.

Когда они подошли к месту, где обычно Вика сворачивала к своему подъезду, а он уходил в сторону дома, за которым был её родной, оба остановились. Артемий посмотрел сначала на неё, потом на её дом. В его взгляде читалось беспокойство и какая-то скрытая мольба, но в то же время и решительность.

– В котором часу твои родители возвращаются домой? – спросил он, голос его звучал прерывисто, словно он боялся получить ответ, который не сможет принять.

Вика посмотрела на часы: 14:40.

– Вечером, после пяти вечера, – ответила она, чувствуя, как сердце начинает учащенно биться. В этот момент она осознала всю тяжесть его положения и свою роль в нём.

Он кивнул, и в его глазах мелькнуло выражение, граничащее с отчаянием. Как будто он собирался что-то сказать, но в последний момент сдержался. Он ещё раз кивнул и, развернувшись, пошёл к своему дому. Вика понимала, что поступает глупо, что за этим может последовать множество негативных последствий. Но всё же, не выдержав, окликнула его, и когда он остановился и обернулся, произнесла:

– Если ты поспешишь, то успеешь принять душ до их прихода.

Её слова повисли в воздухе, будто два лёгких облачка, наполненных и надеждой, и тревогой. Внезапно, всё стало так ясно и понятно. У неё внутри всё затрепетало от понимания масштаба ситуации. Она понимала, что её слова могут привести к неприятностям, к неприятностям для неё самой и для него. Но Вика просто не могла оставить его уходить в одиночестве, не предложив хоть какую-то помощь. Ей было страшно, но это чувство было ничтожно мало по сравнению с той глубокой тревогой, что она испытала, увидев его взгляд.

Он снова посмотрел в землю, и Вика поняла, что он совершенно не уверен в том, что сказать. Её сердце сжималось, когда она видела его в этом состоянии. Он лишь опустил голову, и пошёл к подъезду, не сказав ни слова в ответ. Взгляд его был печален и наполнен тоской, но в то же время в нём читалась благодарность. А она, без единого слова, последовала за ним, не сводя с него глаз.

Пока Артемий принимал душ, Вика, словно пойманная в ловушку дикая кошка, не находила себе места. Она то и дело выглядывала с балкона, нервно поглядывая во двор, словно пытаясь предсказать будущее. Она, как замороженная, следила за каждым движением на улице, выискивая знакомые очертания машин своих родителей, хотя и знала, что до их прихода ещё оставалось достаточно времени. Беспокойство нарастало с каждой минутой. Она, словно шпион в тылу врага, боялась, что кто-то из соседей мог заметить, как Артемий, словно тень, проскользнул в её квартиру, и с их легкой руки это может дойти до её родителей. Но, с другой стороны, их семья не настолько хорошо общалась с соседями, чтобы их приход гостя был воспринят чем-то необычным.

Вика суетливо принялась готовить для Артемия сменную одежду. Она понимала, что к моменту возвращения её родителей, ему нужно не только поскорее уйти из её дома, но и оказаться как можно дальше от него. Ей было страшно, что её отец, вернувшись с работы, может узнать собственные вещи на каком-то случайном подростке, живущем по соседству, и тогда последствия могли бы быть непредсказуемыми. Она понимала, что в этот момент нарушает все

мыслимые и немислимые правила, но не могла поступить иначе. Она, словно мать, оберегающая своего детёныша, пыталась сделать всё, чтобы Артемий был в безопасности.

Вика, как сумасшедшая, попеременно смотрела в окно и на часы. Одновременно она набивала свой старый, потрепанный рюкзак необходимыми вещами. Она положила туда еду, которая могла храниться без холодильника: хлебцы, печенье, сухофрукты, стараясь не думать о том, насколько это смешно. Она так же положила пару старых футболок отца, которые, вероятно, окажутся ему велики, джинсы, смену носков.

Она как раз застегивала молнию на рюкзаке, когда Артемий, словно вышедший из тумана, появился в коридоре. Он был другим, неузнаваемым. И она не могла перестать изучать его.

Она была права. Даже мокрые его волосы были светлее, чем раньше, словно приобрели оттенок золота. И от этого его глаза стали ещё более голубыми, как будто она до этого видела их сквозь мутное стекло, а сейчас увидела их во всей своей красе.

Он, по всей видимости, побрился, пока был в душе, потому что теперь выглядел заметно моложе. Его лицо словно помолодело на несколько лет, и он стал больше похож на обычного подростка, чем на бездомного бродягу. Вика, сглотнув подступивший к горлу комок, отвела взгляд от него к рюкзаку, словно пытаясь спрятаться от собственных мыслей. Она была в шоке от того, насколько этот парень изменился, после душа, и ей показалось, что он может прочесть все её мысли, которые вертелись в её голове, как стая испуганных ворон.

Она протянула ему рюкзак, стараясь скрыть своё волнение. «Тебе лучше сейчас уйти, чтобы тебя никто не увидел», – сказала она, и в её голосе прозвучало больше тревоги, чем ей хотелось показать.

Он взял рюкзак из её рук и посмотрел ей в лицо долгим, пронзительным взглядом. Этот взгляд был полон благодарности и какого-то непонятного ей чувства, которое ей хотелось разгадать.

– Как тебя зовут? – внезапно спросил он, перекидывая рюкзак через плечо и словно прогоняя своим действием неловкое молчание. Его вопрос был простым, но в нём читалась какая-то детская непосредственность и искреннее желание узнать её имя.

– Вика, – ответила она, и её голос прозвучал тише, чем ей хотелось. Она чувствовала, что от этого простого вопроса у неё внутри всё сжалось.

Он улыбнулся, и эта улыбка, словно яркая вспышка, осветила его лицо, превратив его на мгновение в совершенно другого человека. Вика впервые увидела его улыбку, и тут же её словно пронзила мысль. Как у парня с такой восхитительной улыбкой могли быть такие ничемные родители? Хотя она тут же одернула себя, понимая, что ей не следовало так думать. Родители, в любом случае, должны любить своих детей, какими бы они ни были. Она в очередной раз отмахнулась от этих негативных мыслей, которые иногда просто невозможно было контролировать, и которые вихрем пронеслись в её голове, подобно урагану. Он протянул ей руку и, с легкой улыбкой, сказал: «А я Артемий».

– Я знаю, – ответила Вика, не пожав его руки. Она не сделала этого не из-за высокомерия, а потому что внезапно смутилась, словно её накрыло теплой волной неловкости. Ей почему-то было страшно прикоснуться к нему, не из-за того, что она считала себя лучше, чем он. Просто Артемий заставлял её волноваться и чувствовать себя неловко, и она не могла это контролировать.

Он опустил руку, и его улыбка исчезла, словно её и не было. Артемий кивнул и сказал: «Думаю, мне пора». Его голос звучал сдержанно, но в нем чувствовалось беспокойство. Он словно хотел быстрее уйти и не навлечь на неё беду.

Вика отошла в сторону, пропуская его вперед, и словно повинуюсь какому-то невидимому порыву, сама пошла следом за ним мимо кухни, через прихожую. По пути к входной двери, он внезапно остановился, как будто его что-то привлекло, и бросил взгляд в сторону её спальни.

Внезапно Вика ощутила сильный прилив смущения. Ей вдруг стало неловко от того, что Артемий, не стесняясь, разглядывает её комнату, в которой всегда царил беспорядок, словно она была создана для маленькой девочки. Никто никогда раньше не видел её спальню, и поэтому ей как-то в голову не приходило придать ей более взрослый вид. С тех самых пор, как ей исполнилось двенадцать лет, у неё так и остались розовые шторы и такого же цвета покрывало на кровати. На стенах висели картинки с мультяшными героями, которые она уже давно переросла. Впервые за долгое время, ей захотелось что-то поменять, что-то сделать в своей комнате более серьёзным и взрослым.

Артемий, казалось, совершенно не обращал внимания на то, как выглядела её комната. Он, словно замороженный, смотрел только на окно с дверью и балкон, то самое окно, выходящее во двор, с которого открывался вид на соседний дом и на его чердак. Она поняла, что он чувствует и что творится в его душе. Потом он резко повернулся к ней, словно собирался что-то сказать, и, перед тем как выйти из квартиры, произнёс: «Вика, спасибо тебе, что отнеслась ко мне по-человечески». Его слова прозвучали, как благодарность и признание, они согрели её сердце, словно тёплый луч солнца в холодный день.

После этих слов он просто вышел, и Вика осталась одна, наедине со своими мыслями. В голове у неё роились тысячи вопросов. Она не могла понять, как так могло случиться, что этот скромный, добрый парень, обладающий такой очаровательной улыбкой, оказался на улице? Как вообще подросток, с виду ничем не отличающийся от остальных, мог оказаться бездомным? Она понимала, что ему нужна помощь, но как она могла её оказать, кроме того, что дала ему возможность помыться и немного накормила? Вике не давало покоя одно, она всеми силами хотела выяснить, что же произошло с этим парнем.

На следующее утро, к удивлению Вики, Артемий снова сел рядом с ней в автобусе. Он выглядел чуть счастливее, чем накануне. Его глаза сияли ярче обычного, а на лице играла легкая, обнадеживающая улыбка. Это уже не была та напряженная, нервная улыбка, которую она увидела у него вчера. Эта улыбка была совершенно другой – настоящей, искренней.

Вике было немного непривычно видеть Артемия в одежде своего отца. Но, на удивление, джинсы сидели на нём неплохо, по крайней мере, лучше, чем она ожидала. Его плечи стали шире, а сам он выглядел старше, чем когда он был в своих старых, выцветших джинсах.

– Знаешь что? – неожиданно спросил Артемий, наклоняясь вперед и открывая свой рюкзак.

– Что? – ответила Вика, не понимая, к чему он ведёт. Она чувствовала, как волнение начинает заполнять её сознание.

Артемий вытащил из рюкзака небольшой пакет и протянул его Вике.

– Я нашел это на чердаке. Я пытался их протереть для тебя, но они такие пыльные, что без воды я мало что смог сделать. – В этот момент Вика была в шоке, она никогда не слышала от него такой длинной фразы, он, словно, перестал её стесняться.

Она с подозрением приняла пакет, ощущая какое-то странное предчувствие. Потом, всё же, она решилась и заглянула внутрь. Там лежало что-то похожее на набор для черчения, в небольшом темном футляре, а рядом палитра и несколько кисточек.

– Я на днях видел, как ты что-то рисовала на своём балконе. Я не знаю наверняка, но может быть тебе это пригодится. Этими вещами всё равно никто не пользуется, поэтому...» – Артемий замялся, словно подбирая слова, которые могли бы передать всю сложность его ситуации и его неловкость. Он смотрел на Вика, пытаясь понять ее реакцию, и в его

взгляде отражалось желание поделиться чем-то очень важным для него. Он не хотел, чтобы Вика думала, что он просто хочет ей что-то всучить, он хотел, чтобы она знала, что это важно для него, для его будущего.

– Спасибо, – поблагодарила Вика. Она была в легком шоке. У неё, конечно, имелись свои художественные принадлежности, но подарок от Артемия был чем-то особенным, не банальным, а искренним. Это был первый подарок, полученный от парня, и он неожиданно тронул её до глубины души.

Он откашлялся, его голос стал тише и задумчивее, словно он делился не просто словами, а своими самым сокровенными мыслями: – «Это... это не настоящий подарок, я не покупал его. Но мне хотелось подарить тебе что-нибудь. Ты знаешь... за...». Он запнулся, словно не мог подобрать нужные слова, и Вика, заметив его смущение, просто кивнула, закрыв пакет с художественными принадлежностями.

– Как думаешь, ты сможешь подержать их у себя до возвращения домой? В моём рюкзаке совсем нет места.» – Артемий снова оглядел Вику, проверяя, не оттолкнет ли она его еще большим смятением.

Артемий забрал у нее пакет, поставил свой рюкзак на колени и сунул туда набор. Он прижал рюкзак к себе и, чуть задумавшись, спросил: – «Сколько тебе лет?».

– Пятнадцать, – ответила Вика, немного смутившись.

– Ты в десятом классе?

Она кивнула, но, честно говоря, не знала, что еще сказать. Вика не слишком часто общалась с парнями, особенно из старших классов. И когда она начинала нервничать, разговор как будто ускользал от неё, подобно быстро тающему снегу.

– Не знаю, как долго я задержусь здесь, – продолжил Артемий, вновь понизив голос, в его словах слышалось беспокойство и неуверенность. – Но если тебе когда-нибудь понадобится помощь с чем-то после школы, то обращайся, возможно, я смогу тебе чем-то помочь. Хотя, всё равно у меня совсем ничего нет.

В этом предложении прозвучала не только готовность помочь, но и какое-то невысказанное отчаяние, и Вика почувствовала, что Артемий делится с ней частью своей жизни, своей тайной.

Вика невольно рассмеялась, но тут же засомневалась, не зря ли она смеётся над такими печальными вещами. Она не хотела обидеть Артемия, но она не могла сдержать эмоций. Она чувствовала, что между ними установилась какая-то особенная связь, и ей хотелось быть с ним откровенной, и не прятать свои настоящие эмоции.

Оставшуюся часть пути до школы они непринужденно болтали о каком-то интересном телевизионном шоу, которое Вика постоянно смотрела. Она спросила его, видел ли он когда-нибудь это шоу, на что Артемий ответил, что хотел бы его посмотреть, потому что считает его забавным, но у него нет электричества и, как следствие, телевизора. И это был еще один факт из его жизни, над которым ей, возможно, и не следовало смеяться, но она не могла сдержаться, чтобы не улыбнуться. Ей было одновременно смешно и грустно осознавать, насколько разные у них жизни.

И тут, спонтанно, не зная зачем, Вика пригласила Артемия как-нибудь после школы прийти к ней и посмотреть это шоу вместе. Она всегда записывала его на диск и смотрела, занимаясь делами по дому, и она подумала, что они смогут посмотреть его вместе, и им будет весело. Ей вдруг пришла в голову совершенно безумная мысль. Она решила, что может просто запереть входную дверь на замок, и если вдруг родители вернуться раньше времени, то она успеет выпустить Артемия через балкон по пожарной лестнице. Ведь у него уже был хороший опыт в этом деле, тем более что лестница располагалась прямо рядом с балконом, и с её помощью он быстро мог бы исчезнуть, как призрак. Вика понимала, что это было не очень разумное решение, но, почему-то, в этот момент ей было всё равно. Ей хотелось просто провести время

с Артемием, поговорить с ним, понять его, помочь ему, хоть чем-то. И, при этом, не попасться родителям.

На следующий день Вика увидела Артемия только после окончания занятий в школе. Войдя в автобус, она огляделась в поисках его, но не нашла его привычного места рядом. Она заметила, что он сидел где-то впереди, а рядом с ней уже устроилась Катя. Первой мыслью Вики было попросить Катю занять другое место, но она тут же передумала. Она представила себе, как Катя, с округлившимися глазами и ухмылкой на лице, сразу же решит, что Вика влюбилась в Артемия и растрезвонит об этом всем. Поэтому Вика просто промолчала, сделав вид, что всё в порядке, и оставила всё как есть, хотя внутри неё бушевали противоречивые эмоции.

Артемий, как и в прошлый раз, вышел из автобуса раньше Вики. Он стоял на остановке, как-то неловко переминаясь с ноги на ногу, и ждал, пока она выйдет. Вика заметила, что он не смотрел в её сторону, как будто не хотел навязываться, или наоборот, боялся встречи с её глазами. Когда Вика, наконец, вышла из автобуса, Артемий, словно ожив, открыл свой рюкзак и протянул ей пакет с предметами для черчения и рисования. Он не сказал ни слова относительно её приглашения посмотреть вместе телевизор, не дал никакого знака, что он помнит об этом. Но Вика, не дожидаясь его реакции, сама проявила инициативу и повела себя так, как будто они уже обо всём договорились, тем самым, как бы, снимая с него ответственность за происходящее.

– Заходи, – пригласила она Артемия, открывая дверь. Он вошел, немного смущаясь, а Вика, с решительным видом, закрыла дверь на задвижку, словно переступая какой-то невидимый порог. – Если мои родители вернутся раньше, то ты спускайся через балкон по пожарной лестнице и постарайся сделать так, чтобы тебя никто не увидел. – Она произнесла это с легким волнением в голосе, но делала вид, что абсолютно уверена в своей правоте.

Артемий кивнул, словно был готов ко всему: – Не волнуйся, я убегу, – пообещал он, и в его голосе прозвучала какая-то задорная нотка, словно это был весёлый розыгрыш.

– Может, чего-нибудь перекусим вместе? – спросила Вика, стараясь скрыть свою тревогу за легкомысленностью предложения.

Артемий, не задумываясь, кивнул в ответ, и они, не сговариваясь, прошли на кухню. Вика, стараясь не показывать своего волнения, принялась делать бутерброды. Она старалась делать всё быстро и ловко, как будто привыкла к тому, что её дом наполнен гостями. Она принесла бутерброды и чай в гостиную, стараясь не думать о том, что они делают, и не просчитывая последствия.

Вика уселась на диван, чувствуя себя немного скованно, а Артемий, как будто обживаясь, устроился в кресле её отца. Она включила телевизор, и на экране замелькали яркие картинки и зазвучала веселая музыка. Пока они смотрели шоу, они почти не разговаривали, сосредоточившись на еде, и Вика периодически прокручивала вперед всю рекламу, стараясь не терять ни минуты времени. Она украдкой наблюдала за Артемием, и заметила, что он искренне смеётся над шутками, и в его глазах загораются искорки веселья. Наблюдая за его искренней реакцией, Вика начала чувствовать себя раскованнее, и уже не так беспокоилась из-за того, что впустила этого парня в свой дом, нарушая все мыслимые и немыслимые правила. Вика подсознательно знала, что чувство юмора – это одна из самых важных черт в человеке, и она видела в Артемии родственную душу, с которой ей было легко и спокойно. Где-то внутри неё ещё теплилось маленькое чувство вины от того, что она ничего не рассказала родителям и впустила в квартиру малознамого человека. Она тут же одернула себя, решив, что если Артемий окажется тем, с кем она будет дружить, то это чувство вины у неё непременно исчезнет.

Артемий ушел сразу после того, как шоу закончилось, не задерживаясь ни на минуту. Вика хотела спросить его, не нужен ли ему сегодня душ, но, тут же поняла, что это может

задержать его в квартире почти до прихода родителей. Меньше всего ей хотелось, чтобы ему пришлось бежать из душа по пожарной лестнице голышом. Эта мысль, как маленький шарик, промелькнула в её голове, и она тут же отбросила её как нелепую. Хотя признаться, немного забавная картина промелькнула в её воображении – Артемий, со всех ног убегающий по пожарной лестнице, в сопровождении удивлённых взглядов соседей.

Артемий всё чаще стал бывать в квартире Вики. Он стал её частым гостем, с которым она могла смотреть своё любимое телевизионное шоу. Она видела, что ему очень нравится это шоу, так же, как и ей. Каждый день она, по старой привычке, вела свой дневник, о котором никто не знал, но теперь она понимала, что лишь ему она могла доверить все подробности своей жизни, все свои тайны, желания, мечты и переживания. Она описывала в нем каждый день, каждую свою мысль, каждое своё чувство. Дневник стал её исповедью, а Артемий – её лучшим другом, который, почему-то, понимал её без слов.

Артемий прожил на чердаке соседнего дома уже целых две недели. Это был словно какой-то сюрреалистический сон, в котором Вика каждый день продолжала нарушать все правила, но совершенно не чувствовала за это угрызений совести. Он ещё несколько раз приходил к ней, чтобы принять душ, и каждый раз она, словно заботливая хозяйка, снабжала его едой, собранной по крупицам из своего холодильника и шкафчиков. Она даже иногда, пока он сидел у неё после школы и смотрел телевизор, стирала его одежду, бережно складывая ее в стиральную машину, и надеясь, что родители ничего не заметят. Артемий постоянно перед ней извинялся, как будто он был какой-то тяжелой ношей, и она делала для него слишком много, а ей это, на самом деле, очень нравилось. Она чувствовала себя нужной и важной, получая его искреннюю благодарность за свои дела. Она ощущала какой-то взаимный энергообмен, происходящий между ними, который придавал смысл их жизням и наполнял их радостью и теплом. Артемий, словно магнит, притягивал ее к себе, и, не давал ей думать о плохом. Он наполнял ее жизнь смыслом, и на самом деле, ей самой хотелось проводить с ним время после школы каждый день, лишь бы чувствовать рядом его присутствие. В ней, как будто, пробуждалось какое-то женское начало, призывающее заботиться о ком-то, дарить свою любовь и внимание. И это чувство, как цветок, раскрывалось у нее внутри, наполняя ее жизнь новыми красками и эмоциями.

Однажды вечером её отец вернулся домой позже обычного, и Вика сразу поняла, что это означало. Это был безошибочный признак того, что после работы он заходил куда-то выпить. Её сердце сжалось от тревоги, она знала, что сейчас снова начнется старая песня, которая каждый раз заканчивалась одинаково плохо. Она знала, что он опять устроит скандал с ее матерью, и, вероятнее всего, опять совершит какую-нибудь глупость, из-за которой им потом всем будет стыдно.

Вика, иногда, так сильно злилась на свою мать за то, что она до сих пор живет с ним, продолжая терпеть его выходки. Она, в свои пятнадцать лет, не могла знать всех причин, по которым её мать предпочитает оставаться с отцом, несмотря на все те унижения, которым он её подвергает. Она не хотела даже думать о том, что мать, возможно, использует ее, как предлог для того, чтобы оставаться с ним. Ей казалось, что это ужасно, что она не может ничего изменить. Ей было всё равно, как они будут жить, если уйдут от него, лишь бы они были в безопасности. Даже если им придется ютиться в убогой квартирке, и питаться одной лапшой до того момента, как у них всё наладится, всё равно это было бы лучше, чем то, что приходилось терпеть её матери каждый день. Вика хотела, чтобы они ушли и начали новую жизнь, в которой не будет ссор и скандалов.

Как только Вика вошла в гостиную, то увидела ужасающую сцену, от которой ее сердце замерло от страха и ненависти. Её отец, с искаженным от злобы лицом, грубо толкал её мать. Они стояли на кухне, и мать, словно отчаянно пытаясь остановить его гнев, схватила его за руку, моля успокоиться. Но отец, словно одержимый зверем, нанес ей сильный удар, и она упала на пол, ударившись о кафельный пол. Вика, с ужасом, наблюдала за тем, как он замахнулся, чтобы ударить её ногой, но тут, словно очнувшись, увидел свою дочь, стоящую в дверях гостиной. Он остановился, словно его ударило током, что-то прошипел ей сквозь зубы, повернулся и, хлопнув дверью, ушел в их спальню, оставив их обеих в оцепенении.

Вика, словно очнувшись от кошмара, бросилась на кухню к матери, пытаясь помочь ей подняться, но та, со слезами на глазах, не хотела, чтобы дочь видела её в таком унижительном состоянии. Она не хотела перекладывать на плечи своей дочери ту боль, которую чувствовала сама, словно боялась заразить её своим несчастьем. Она отмахнулась от Вики, делая вид, что не нуждается в её помощи, и слабым, прерывающимся голосом сказала: – Я в порядке, это была просто глупая ссора. Не обращай внимания, – она попыталась улыбнуться, но у неё это плохо получилось.

Но Вика, как наяву, видела красноту на её щеке, в том месте, куда её ударил отец. Это пятно позора, словно клеймо, горело на ее лице, обличая её и отца. Когда Вика подошла ближе к матери, желая убедиться, что с ней всё в порядке, и прикоснуться к ней хотя бы рукой, чтобы дать ей тепло, мать повернулась к ней спиной, ухватившись за край рабочего стола. Ей не хотелось смотреть в глаза дочери и видеть в них отражение своей слабости и бессилия. Ей было стыдно, и в то же время она боялась отвечать на неизбежные вопросы. – Я сказала, что со мной всё в порядке, Вика, – срывающимся голосом, произнесла мать, – Возвращайся в свою комнату. Она не хотела показывать дочери, что внутри у неё всё разрывается на части.

Вике казалось, что мать держалась холодно и отчужденно, отмахиваясь от своей дочери, от её помощи и поддержки. Эта каменная отстранённость матери, словно ещё один удар, ещё один разрез в её ранимой душе, разрывал её на части. Мало того, что её чёрствый отец никогда не обращал на неё внимания, но и мать, её самый близкий и родной человек, своими действиями, как будто, подливала масла в огонь её страданий. Вика, вскипая от обиды и непонимания, словно взрывчатая смесь, с трудом сдерживая себя, побежала по коридору, но в свою комнату так и не вернулась. Она выбежала из квартиры, выскочила в подъезд, потом во двор, и, не обращая внимания на сгущающуюся темноту, побежала к подъезду соседнего дома. Злость на мать жгла её изнутри, как раскаленный уголь. Ей не хотелось находиться в одной квартире с родителями, она чувствовала себя чужой, и, возможно, даже ненавидела тот дом, тот мир, где это происходило. Словно убегая от тяжёлого бремени, она мчалась вперед, не замечая ничего вокруг. Она подбежала к дому, на чердаке которого скрывался Артемий, поднялась на последний этаж и, глубоко дыша, постучала в дверь чердака.

Вика слышала, как внутри что-то зашевелилось, раздались осторожные шаги по полу, как кто-то с опаской приближался к двери. Этот звук приближающихся шагов, словно тиканье часов, мерное и предсказуемое, успокаивал её, напоминая о существовании чего-то родного и знакомого в этом жестоком мире.

– Это я, Вика, – прошептала она, еле слышно, словно боясь нарушить тишину и навлечь на себя беду. Через несколько долгих, томительных секунд, дверь, словно повинувшись какому-то невидимому сигналу, распахнулась. Артемий, с беспокойством в глазах, выглянул наружу. Сначала он посмотрел ей за спину, потом налево, потом направо, словно проверяя, не следит ли кто за ней, словно боялся, что за ней могут прийти, и тогда их обоим будет плохо. Только потом, взглянув на её лицо, он понял, что она плачет, и что с ней что-то случилось.

– Ты в порядке? – спросил он с тревогой в голосе, помогая ей взобраться на чердак. Его прикосновение было нежным и осторожным, словно он боялся причинить ей ещё большую боль. Вика вытерла рукавом слёзы и заметила, что на чердаке царил полная темнота. Артемий, не говоря ни слова, взял её за руку и повёл к двери, ведущей на крышу. Они старались идти тихо, словно крались, стараясь не производить лишнего шума, ведь жильцы дома могли услышать, что на чердаке кто-то есть, и тогда их маленькому секрету пришёл бы конец. Добравшись до двери, Артемий отворил её, и яркий свет луны, словно волшебный луч, осветил проём чердака. Они вышли на крышу. Вика, не раздумывая, села на край, недалеко от чердачной двери, а Артемий, словно её тень, сел рядом, не отрывая от неё взгляда.

– Я в порядке, – ответила она, пытаясь казаться сильной и независимой, – Я просто злюсь. Иногда, когда я злюсь, я плачу, – призналась она, и её голос дрогнул, выдавая истинные чувства.

Артемий, не говоря ни слова, протянул руку и убрал непослушную прядь волос, упавшую на её лицо, за ухо. Это маленькое, нежное прикосновение вызвало у неё странную волну тепла, от которой ей стало спокойно и хорошо. Она вдруг растеряла всю свою злость и успокоилась, словно её накрыло одеялом умиротворения. Артемий обнял её, крепко прижав к себе так, что её голова оказалась у него на плече. Она не могла понять, как ему удалось её успокоить, не произнеся ни слова, но он это сделал. Есть люди, одно лишь присутствие которых успокаивает и умиротворяет, и Артемий был одним из таких людей. Он был полной противоположностью её отца, с которым она ощущала только страх и боль, и в этом его и была его великая сила.

Они посидели так немного, словно двое изгнанников, наедине с лунным светом и своими тревогами, пока Вика не увидела, как в её комнате, словно по сигналу, загорелся свет. Сердце её дрогнуло, словно от внезапного удара.

– Тебе лучше вернуться, – прошептал Артемий, его голос прозвучал мягко, но в нём чувствовалась тревога и забота. Они оба видели её мать, стоящую у окна в комнате. Только в эту минуту Вика, как наяву, поняла, какой вид открывается Артемию на балкон и окна её спальни с крыши соседнего дома. Ей вдруг стало неловко, словно её поймали на месте преступления.

Возвращаясь домой, Вика, с внезапно появившимся смущением, пыталась вспомнить всё то время, которое Артемий провёл на чердаке соседнего дома. Она пыталась вспомнить, ходила ли она по комнате при включенном свете после наступления темноты, и в каком виде она была в этот момент, ведь спала она обычно в одной футболке.

И тут же она ужаснулась собственным мыслям. Она поняла, что ей хотелось, чтобы он видел её в таком виде, что она произвольно хотела привлечь его внимание, словно, подсознательно, давала ему какие-то негласные сигналы. От этого осознания её щёки вспыхнули, словно в них горел огонь, и она почувствовала себя глупой, но в то же время ей было приятно от этой тайной мысли, пришедшей к ней в голову.

На следующий день Артемий снова зашёл к Вике. Вместе они опять смотрели своё любимое шоу, смеясь над шутками и перекидываясь короткими репликами. В какой-то момент, неожиданно для самой себя, она спросила его, почему его называли таким необычным именем. Он ответил, что не знает, как будто, никогда об этом не задумывался. Не подумав, прежде чем сказать, Вика, поддавшись импульсу, произнесла: – Так тебе можно спросить у своей мамы, почему она тебя так назвала.

Артемий, словно окаменев, просто посмотрел на неё, и в его глазах появилась какая-то непонятная Вике печаль. Он, с какой-то тяжестью в голосе, ответил: – Сейчас для этого слишком поздно.

Вика не поняла, что он хотел этим сказать. Умерла его мама, или она отказалась от него? Они были друзьями уже несколько недель, но она, на самом деле, почти ничего о нём не знала, как не знала и того, почему ему негде жить. Ей очень хотелось спросить его об этом, но она

боялась, что он не захочет делиться с ней своими переживаниями, и не была уверена, что он ей расскажет. Ей казалось, что у него какие-то серьезные проблемы с доверием, и, наверное, она не могла его за это винить, после того, что с ним произошло.

Вику всё больше и больше беспокоило то, что на улице с каждым днём становилось холоднее, и осень, с её теплыми деньками, уступала место зиме, с её ледяным дыханием. В итоге, наступили дни, когда стало по-настоящему холодно, и пронизывающий ветер гонял по улицам опавшие листья. Если у Артемия не было электричества на чердаке, то и обогреться ему было нечем. Вика надеялась, что у него хотя бы есть какие-то теплые одеяла, чтобы укрываться от холода, но она не была в этом уверена. Она понимала, как ужасно она будет себя чувствовать, если он вдруг замёрзнет и умрёт из-за её бездействия. Она не могла этого допустить. Она решила, что нужно срочно поискать дома ненужные одеяла и старую зимнюю одежду, которую она уже переросла, чтобы отдать их Артемию, тем самым спасая его от холода.

Скоро должен был выпасть первый снег, и зима уже дышала в затылок, поэтому Вика решила навести порядок на своём балконе, так как он был открытый и не застеклённый. Она уже выбросила кое-какие ненужные вещи, поэтому ей оставалось только вынести старое кресло и подмести, что не должно было занять у неё много времени. Но Артемий, словно чувствуя её тревогу, настоял на том, чтобы помочь ей, и, как всегда, она не смогла ему отказать.

Он задавал Вике много вопросов о рисовании, о технике и стиле, и ей очень нравилось, что его, как будто, по-настоящему интересует то, чем она так увлечённо занималась. Она с удовольствием показала ему свои рисунки, наброски и даже регалии, которыми была награждена за свои работы на различных выставках. Вместе, весело переговариваясь, они вынесли старое, скрипучее кресло к мусорным ящикам, и вернулись обратно в квартиру, словно вернулись домой, в свою маленькую крепость.

Артемий вымел всё с балкона сам, настояв на том, что Вике не нужно это делать. Пока он деловито орудовал веником, Вика, с улыбкой, сидела по-турецки на своей кровати, наблюдая за ним через балконную дверь. Она понимала, что не ленится, и не хочет увиливать от работы. Он просто уговорил её посидеть, пока он всё сделает сам, и она с радостью согласилась. Видно было, что он увлечён работой, и отдаёт себя этому делу полностью. Возможно, это работа отвлекала его от грустных мыслей, и поэтому он с такой готовностью помогал ей во всём. Ей было так спокойно и хорошо на душе, что она не хотела, чтобы этот день заканчивался.

Закончив работу на балконе, Артемий, с улыбкой на лице, подошёл к ней и, словно усталый путник, упал рядом на кровать. Вика, с удовольствием, наблюдала за его покрасневшим лицом и растрепавшимися волосами.

– Почему ты решила заниматься рисованием? – неожиданно спросил он, повернувшись к ней.

Вика, немного опешив от этого вопроса, посмотрела на него. Артемий, словно её зеркальное отражение, тоже сел по-турецки и с неподдельным любопытством смотрел на неё, ожидая ответа. В эту минуту, внезапно и неожиданно для себя, она поняла, что он, наверное, лучший друг из тех, кто у неё когда-либо был, а они, при этом, почти ничего не знали друг о друге. Она вдруг осознала, что у неё были друзья в школе, но по очевидным причинам Вике никогда не разрешали их приводить домой. Мать всегда переживала, что отец может проявить свой несносный характер, и об этом пойдут ненужные разговоры. Ей никогда не разрешали бывать в чужих домах, но она никогда не знала причины. Возможно, её отец не хотел, чтобы она ночевала у подруг, потому что Вика, невольно, могла увидеть, как хороший муж должен обращаться со своей женой, и её отцу было бы неловко перед дочерью. Вероятно, он хотел заставить дочь поверить, что его ужасное отношение к её матери – это норма, и что так и должно быть.

Артемий был её первым другом, который бывал в их квартире, её первым гостем. И он первый друг, знающий, насколько сильно она любит рисование, и он ценит её талант. А теперь он был ещё и первым другом, который, с неподдельным интересом, спросил, почему она решила заниматься рисованием, а не танцами или чем то ещё.

Вика, чувствуя, как внутри неё нарастает волнение, не сразу нашла, что ответить. Она встала с кровати, подошла к столу, словно ища там ответ на его вопрос, и принялась что-то раскладывать и перебирать, обдумывая его вопрос.

– Мама мне рассказывала, что когда я была совсем маленькой, и мне в руки попадали карандаши или маркеры, я начинала рисовать не только на бумаге, но и на стенах, на полу, на мебели, – начала Вика свой рассказ, задумчиво глядя на стол. – Понятно, что дети активно исследуют окружающий мир, и, в том числе, возможности карандаша оставлять след на поверхности, – продолжила она, словно вспоминая себя маленькую. – Их завораживает сам процесс, когда из «ничего», благодаря их действиям, появляется кусочек нового мира. Когда мне исполнилось десять лет, мама, заметив мой интерес, зарегистрировала меня на сайте, где обучали рисованию, – продолжила Вика, словно переносясь в прошлое. – Периодически я получала задания, что необходимо изобразить, и у меня появлялся повод для исследований и экспериментов. Однажды мне задали нарисовать серию рисунков о растениях, на разных стадиях роста. Для этого мы с мамой посадили семена в горшки, и каждый день я наблюдала за тем, что происходит с ними, периодически делая зарисовки. Я изучала строение листьев и цветков, отслеживала, как меняется цвет и форма, в зависимости от стадии развития. Изображая с натуры объекты, мы их изучаем и запоминаем, – заключила Вика. – А ещё начинаем шире смотреть на мир и видеть всё другими глазами, замечая такие детали, на которые раньше не обращали внимание. К тому же, когда я рисую, я получаю определённую разгрузку, словно отключаюсь от всех проблем, и забываю обо всём, что происходит вокруг. При этом, у меня появились подопечные, о которых я заботилась. Я поняла, что делая что-то хорошее, ты получаешь не только моральное удовлетворение, но и определённую награду, – закончила она свой рассказ, посмотрев на Артемия.

Вика чувствовала на себе его пронзительный взгляд, когда он спросил: – Награду за что?

Вика, пожав плечами, ответила: – Если ты что-то делаешь с любовью и желанием, то будь уверен, ты обязательно получишь за это награду, – с уверенностью в голосе сказала Вика. – Например, растения вознаграждают тебя пропорционально отданной им любви. Если ты с ними жесток, или пренебрегаешь ими, ты от них ничего не получишь. Но если ты правильно ухаживаешь за ними и любишь их, они подарят тебе овощи, фрукты или цветы. Так же и с животными, как мы к ним относимся, так и они проявляют к нам свою любовь и привязанность. – Вика обвела взглядом свою комнату, посмотрела на стол и полки, на которых всё было убрано, как будто подводя итог своим словам. Потом она вышла на балкон и, прислонившись к перилам, посмотрела вдаль, словно ища подтверждение своим словам в окружающем мире.

Ей не хотелось смотреть на Артемия, потому что она всё ещё чувствовала на себе его взгляд, словно невидимые нити, притягивающие её к нему. Поэтому она просто разглядывала окрестности, пытаясь уйти от этого пристального взгляда. Он подошёл, и встал рядом, словно её тень, и она чувствовала его теплое присутствие.

– Мы просто похожи, – сказал он тихо, его голос был таким же мягким, как и его прикосновения.

Вика перевела на него взгляд, вопросительно подняв брови.

– Я и ты?

Артемий покачал головой: – Нет, растения, животные, люди. Растениям, животным и людям для выживания нужно, чтобы их любили и правильно о них заботились. Мы с рожде-

ния полагаемся на родителей, думаем, что они будут достаточно любить и заботиться о нас, – он говорил медленно, словно размышляя вслух. – И если наши родители дают нам правильную любовь, мы становимся хорошими людьми, ответственными и заботливыми. Но если нами пренебрегают...

Он заговорил тише и почти печально, словно открывая перед ней тайну своей души: – Если нами пренебрегают, мы оказываемся бездомными, не только в буквальном смысле, но и внутри себя. Мы теряем способность любить и заботиться о других, и становимся неспособными ни на что стоящее, – его слова звучали словно капли дождя, падающие на растрескавшуюся землю.

От его слов её сердце сжалось. Она даже не знала, что на это ответить. Неужели он действительно так о себе думает? Эта мысль, как холодный ветер, пронзила её.

Тогда Вика указала на ряд деревьев, росших вдоль дороги, вытянувшегося вдоль дороги в ряд, словно воинское построение.

– Видишь вон то дерево? – В середине ряда деревьев, словно одинокий страж, стоял могучий вяз, поднявшийся к небу выше остальных, его ветви расстилались, как руки, обнимающие землю.

Артемий посмотрел на него, его взгляд, словно лучик света, добрался до самой макушки дерева, скользя по его густой листве, и завис на мгновение, задерживаясь у вершины, словно ища ответ на свой вопрос в его высоком силуэте.

– Оно выросло само, – сказала она, указывая на дерево, – Большинству растений нужно много заботы, чтобы выжить, им нужна плодородная почва, вода и солнечный свет. Но некоторые из них, например, деревья, достаточно сильны, чтобы полагаться только на себя. Они прорастают даже в самых непригодных для жизни местах, и умудряются выжить и вырасти, несмотря ни на что.

Вика понятия не имела, понимает ли он, что она пыталась ему сказать, не называя вещи своими именами. Ей просто хотелось, чтобы он знал, что она считает его достаточно сильным, чтобы вырасти и подняться выше всех, несмотря ни на какие жизненные обстоятельства. Вика плохо его знала, но она видела, что у него есть какой-то неисчерпаемый запас жизненных сил, и он справлялся с ситуацией куда лучше, чем справилась бы она в его обстоятельствах.

Его глаза были прикованы к дереву, словно он видел в нём своё отражение. Прошло какое-то время, прежде чем он хотя бы моргнул, словно он был загипнотизирован его стойкостью и силой. Моргнув наконец, Артемий слегка кивнул, и посмотрел вниз, во двор, словно отрываясь от своих мыслей. После этого, он повернулся к ней, и слегка улыбнулся, словно, наконец, понял всё, что она пыталась ему сказать.

От его улыбки, словно от яркого луча солнца, её сердце застучало так, как будто она только что очнулась от глубокого сна.

– Мы просто похожи, – повторил Артемий, его голос звучал мягко, но уверенно.

– Растения, животные, люди? – спросила Вика, с удивлением и надеждой в голосе.

Он покачал головой, и в его глазах, словно отблеск костра, мелькнула какая-то искра: – Нет, я и ты.

Вика, сбивчиво вздохнула, пытаясь справиться со своими эмоциями. Она надеялась, что он не заметил её волнения. Она не знала, что на это сказать, и, казалось, слова застряли у неё в горле.

Вика просто стояла в неловком молчании, пока он, внезапно, не повернулся к ней спиной, словно собирался пойти домой, оставив её наедине со своими мыслями.

– Артемий, подожди! – Вика, словно очнувшись от своих мыслей, окликнула его. Он обернулся, и в его глазах мелькнуло что-то, напоминающее нежность. Вика указала на его гряз-

ные руки, покрытые пятнами земли и пыли, и, не в силах скрыть свою заботу, сказала: – Тебе, должно быть, захочется быстренько принять душ перед уходом. Ты немного запачкался.

Он поднял руки, посмотрел на них, затем на свою испачканную одежду, и, кажется, на мгновение задумался.

– Принять душ? Серьёзно? – спросил он с лёгкой усмешкой, которая сразу же развеселила её.

Она улыбнулась, кивая в ответ. Артемий, с едва заметной игривостью в глазах, усмехнулся, и Вика не успела и глазом моргнуть, как он уже стоял рядом с ней, шутя вытирая об неё руки, словно об полотенце. Они оба рассмеялись, звонкий смех заполнил тишину комнаты, прогоняя последние остатки тревоги.

То, что Вика сейчас чувствовала, было сложно сформулировать словами. Это было что-то новое, ранее ей незнакомое. Она не просто чувствовала облегчение от осознания того, что он рядом и что он с ней так легко шутит. Это было более глубокое чувство, какое-то электрическое напряжение, которое проносилось в воздухе между ними, когда он касался её. Прикосновения, даже безобидные, казались ей сейчас не просто прикосновениями, а целым миром эмоций, которые она никогда раньше не испытывала.

Через несколько мгновений, словно сами собой, они оказались на её кровати. Они просто смеялись, смеялись без удержу, до слёз на глазах. Наконец, Артемий, словно очнувшись от этого смехового припадка, встал и, нежно поддерживая её, помог ей подняться. В его глазах была забота, граничащая с нежностью. Он знал, что ему нельзя терять ни минуты, если он хочет принять душ, не привлекая ненужного внимания, до возвращения её родителей.

Как только он ушёл в душ, оставив её наедине со своими мыслями, Вика, как будто очнувшись от наваждения, вымыла руки в раковине, и, словно замороженная, просто стояла, гадая, что он имел в виду, говоря о том, что они похожи. Её голова была полна вопросов, и она, словно запутавшийся в сети паук, пыталась их распутать.

Это был комплимент? Ощущалось так. Хотел ли он сказать, что она тоже сильная, и что она, так же, как и дерево, сможет пережить все трудности? К своему огорчению, она себя сильной совсем не чувствовала. В ту минуту, при одной только мысли о нём, она испытывала какое-то непонятное волнение, перемешанное со слабостью и тревогой. Вика гадала, что ей делать с тем, что она чувствовала в его присутствии, и как ей с этим жить.

Она думала и о том, как долго она сможет скрывать его от своих родителей. И как долго он сможет оставаться на чердаке соседнего дома? Зимы в этих местах были невыносимо холодные, и без обогревателя и теплых одеял он просто не выживет. Эта мысль, как ледяная игла, пронзила её сердце, заставляя её действовать.

Вика, взяв себя в руки, как будто отбрасывая все лишние мысли, отправилась на поиски лишних одеял и старой теплой одежды, которые она давно переросла. Она собиралась отдать их Артемию, когда он выйдет из душа. Но было уже пять часов вечера, а значит, родители вот-вот должны были вернуться, поэтому он, наскоро одевшись, поспешно ушёл, оставив её одну. Она решила отдать их ему в какой-то из последующих дней, надеясь, что к тому моменту, её чувство тревоги хотя бы немного утихнет.

Мама Вики работала учителем начальной школы, и дорога до школы занимала немало времени. Поэтому она никогда не возвращалась домой раньше пяти часов. Отец Вики работал в двух милях от дома, и его рабочий день часто заканчивался позже, чем у мамы. Иногда, однако, он приезжал домой раньше, проезжал мимо подъезда и ставил свой автомобиль на своё парковочное место во дворе.

В один из дней, когда на улице шёл сильный снег, мама Вики приехала домой немного раньше обычного. Артемий, который всё ещё был в квартире, почти досмотрел с Викой любимое шоу, когда она услышала, как кто-то звонит в дверь. Артемий, не медля ни секунды,

выбежал через балкон. Вика поспешила убрать из гостиной посуду и остатки еды, чтобы мама не увидела следы, скрываемого ею, гостя.

Она быстро убрала всё и открыла дверь. Её мама вошла в квартиру, её лицо было покрыто слоем снега, словно она сама была частью зимней бури. Она попросила Вику спуститься с ней вниз и помочь принести покупки из машины. Она припарковалась у подъезда, заблокировав проезд к парковочным местам, и, похоже, это стало причиной конфликта. Вика спустилась с матерью к машине и помогала ей, перенося тяжёлые пакеты в квартиру. Именно в этот момент, во двор въехал автомобиль отца. Он начал громко сигналить, его гнев словно разрывался на куски и от него вибрировала вся машина, очевидно разозленный, что его жена припарковалась у подъезда. Видимо, ему не хотелось выходить из машины, и он требовал от неё незамедлительного освобождения проезда, вместо того, чтобы немного подождать, пока она всё занесёт в квартиру. Вика стояла перед этим странным и необъяснимым гневом, не в силах понять, почему отец всегда злится без причины, словно забывая, или не желая вспоминать, что такое любящая забота. Возможно, он считал правильным, что его жена должна сама покупать всё в магазинах и таскать тяжести, а он должен наслаждаться беззаботной жизнью и постоянно вымещать на ней свой гнев.

Вика с матерью как раз занесли всё на кухню, когда раздались резкие сигналы с улицы. В глазах матери промелькнуло испуганное, молниеносное выражение, и звук клаксона, словно сигнал тревоги, заставил её сердце сжаться от тревоги. Она попросила Вику разобрать пакеты и сумки, пока она будет перегонять машину, и молниеносно направилась к выходу. Вика, не понимая, что происходит, невольно почувствовала тревогу. Когда мать открыла дверь квартиры, чтобы выйти, Вика услышала какой-то грохот, а потом резкий, пронзительный вскрик. Её сердце замерло. Она выскочила в прихожую, думая, что мама, возможно, споткнулась и упала.

В прихожей был выключен свет, и крошечная темнота окутала её. Вика, с трудом разглядывая обстановку, увидела только силуэт отца, который, как разъяренный зверь, повалил её маму на пол и душил. Вика была ошеломлена, шокирована, и в то же время ужас отступил, уступив место безумной ярости. Ей хотелось закричать так громко, чтобы разнести все стены, но в то же время слёзы подступали к глазам, словно готовые пролиться градом.

Отец кричал на её мать, что она не уважает и не понимает его. У него глазах была ненависть, холодная и ужасная, такая, что у Вики сжалось сердце. Она видела, как мама задыхается, как отчаяние и страх борются внутри неё. Всё, что случилось дальше, Вика помнила, как в тумане. Внезапный всплеск инстинкта и страха заставил её отреагировать молниеносно. Она закричала на него, не помня, что кричала сама, прыгнула ему на спину и с невероятной силой ударила его по голове.

Отец, словно сбросив с себя тяжесть, сильным рывком стряхнул её с себя. В следующую секунду Вика уже лежала на холодном полу, а в висках пульсировала боль. Мать сидела рядом, держала её голову, и повторяла какие-то успокаивающие слова, слова сожаления. Вика, словно в замедленной съёмке, оглянулась в поисках отца, но его нигде не было. Он словно растворился в темноте, исчезнув бесследно. Он сел в машину и уехал, оставив их в этой темноте, в этой боли, в этом ужасе. Только тихий вой ветра, проникающий сквозь щели в окнах, напоминал о том, что жизнь продолжается, даже после такого кошмара.

Мама, с дрожащими руками, дала Вике тряпку, словно хрупкое сокровище, и сказала приложить её к голове, потому что шла кровь, и это было видно невооруженным глазом. Потом она, не говоря ни слова, помогла дочери сесть в её машину, и, словно в каком-то замедленном кино, повезла в больницу. По дороге туда, в напряженной тишине, она сказала Вике только одно, и эти слова, как выстрел, поразили её:

– Когда тебя спросят, что случилось, скажи, что ты оступилась, – её голос был тихим, но твердым, как сталь.

Когда она это сказала, Вика отвернулась к окну, и слёзы, словно градинки, потекли по её щекам. Потому что это была последняя капля. Это было, как удар ножом в самое сердце, как предательство. Вика наивно думала, что мать уйдет от него после того, как он ударил свою дочь, после того, как он показал своё истинное, звериное лицо. Но в ту минуту, когда она услышала эти слова, Вика поняла, что она никогда не уйдет от него, она снова будет терпеть все эти унижения и оскорбления. Она чувствовала себя такой подавленной и напуганной, словно её крылья были подрезаны, поэтому промолчала и не произнесла об этом ни слова.

Вике наложили на лоб несколько швов, словно оставляя на её лице не только физические, но и душевные шрамы. Она до сих пор точно не знала, обо что она ударилась лбом, но это уже не имело никакого значения. Важным для неё было то, что родной отец, который должен был защищать, ударил её, и даже не остался и не проверил, что с ней. Он просто бросил их обоих на полу прихожей, словно сломанные куклы, и уехал, даже не извинившись. Это предательство сломило её больше, чем боль от удара.

На другой день вечером Вика вернулась домой довольно поздно, и сразу же уснула, как только добралась до своей комнаты. Её клонило ко сну, и всё тело ломало, потому что ей дали какое-то сильное обезболивающее, чтобы унять боль в висках, и уставшее сердце, наконец-то, получило покой.

Следующим утром, когда Вика, словно тень, подошла к автобусной остановке, она старалась изо всех сил не смотреть на Артемия, пряча свой лоб от его пронизательного взгляда. Она тщательно уложила волосы так, чтобы швы не было видно, словно боялась разоблачения. Артемий, как будто ничего не замечая, шагал рядом, и, казалось, не обращал внимания на её старания. Когда они сели рядом в автобусе, и стали, словно по привычке, ставить свои рюкзаки на пол, их руки, в какой-то момент, случайно соприкоснулись. Вика ощутила, что его руки были холодными, как лёд, и по её спине пробежал неприятный холодок. Она ужаснулась, почувствовав ледяной холод.

Только в этот момент она вспомнила, что забыла отдать ему одеяла, которые нашла для него, в тот трагический вечер, когда её мама вернулась домой раньше. Случай в прихожей, ссоры и драка, а затем и больница, захватили все её мысли, вытеснив из её сознания всё остальное, и она совершенно забыла об Артемии, который, мёрз всё это время на холодном чердаке. Всю ночь морозило, шёл снег, и холодный ветер завывал, как дикий зверь, а он сидел один на тёмном, неотапливаемом чердаке. И он настолько замёрз, что Вика не понимала, как он ещё жив. Она почувствовала на себе всю ответственность за его жизнь, и её сердце сжалось от вины и страха.

Вика схватила обе его руки, её пальцы, словно искали тепла в ледяной пустыне, и произнесла:

– Артемий, да ты окоченел. – Её голос дрожал, как отголосок зимнего ветра.

Он молчал, его взгляд был направлен вдаль, будто он видел то, чего не могла увидеть она. Она принялась растирать его руки, искала в них хоть какую-то жизнь, тепло, но от её прикосновений исходило лишь холодное равнодушие. После, положив голову ему на плечо, она заплакала. Слёзы текли неконтролируемо, как ручейки тающего снега. За всё, что случилось, за вину, которую чувствовала, за забвение своих обещаний, она была безмерно виновата. Вика плакала негромко, но с каждой слезой, казалось, вырывалась наружу тяжесть её переживаний. Она была очень расстроена тем, что произошло накануне, и чувствовала себя безмерно виноватой, что забыла отнести ему одеяла. Артемий всё также оставался безмолвным, словно поглощенный собственными переживаниями. Он высвободил свои руки из её пальцев, как будто освобождая от этой неловкой связи, но вместо того, чтобы отодвинуться, он накрыл

её руки своими. Так они и просидели всю дорогу до школы, склонив друг к другу головы, его руки, словно щит, лежали поверх её.

Только по дороге домой, когда солнечные лучи уже начинали пробиваться сквозь холодное зимнее небо, Артемий, наконец, заметил швы на её лбу. Хотя она уже и забыла о них, они словно были назойливой меткой, напоминающей о том дне. Никто в школе не спросил Вику о них, и когда он сел рядом с ней в автобусе, она даже не пыталась закрыть их волосами. Артемий посмотрел на неё, его взгляд пронизывал её насквозь, и он спросил: – Что случилось с твоей головой?

Вика не знала, что ответить, она просто молчала. Она только коснулась швов пальцами, словно пытаясь соизмерить их глубину с глубиной своих переживаний, и посмотрела в окно. Ей очень хотелось завоевать его доверие, узнать, почему ему негде жить, но откровенничать с ним было слишком страшно. Рассказать, что её отец ведёт себя неподобающим образом, было так сложно, потому что она понимала, что эти слова могли причинить ему ещё большую боль. Но и врать ему не хотелось. Она колебалась, пытаясь найти правильные слова, которые бы объяснили всё без лишних подробностей.

Когда автобус тронулся с места, Артемий, словно желая прервать неловкое молчание, сказал:

– Вчера, после того, как я ушёл от тебя, я слышал, что возле вашего подъезда происходит какая-то возня. Я видел, как твой отец настойчиво сигналил у подъезда. А потом он выскочил из машины и побежал в подъезд. Позже он спешно вышел, хлопнул дверью машины и уехал. Я хотел подняться по пожарной лестнице и узнать, всё ли у тебя в порядке, но, увидев, что ты уже уезжаешь с матерью, решил не рисковать, – он говорил спокойно, но в его голосе слышалось беспокойство.

Должно быть, он видел, как мать повезла Вику в больницу. Вика не могла поверить, что он хотел подойти к дому и подняться по пожарной лестнице. Ей было страшно представить, что бы он мог сделать её отец, если бы увидел его в квартире, и она поняла, каким беззащитным он оказался перед её отцом. Она так испугалась за Артемия, его храбрость, которая проявилась в этом поступке, смешивалась с острым страхом за его благополучие. Она поняла, что его благополучие и её безопасность – вещи, которые не совместимы.

Вика посмотрела на него, и её взгляд, полный тревоги, пронзил его насквозь. Она сказала:

– Артемий, тебе нельзя этого делать! Ты не должен приходить ко мне домой, когда там мои родители! – Её голос звучал резко, хотя внутри она чувствовала себя сломленной. – Ты не представляешь себе, на что способен мой отец.

Он замолчал, и в его глазах промелькнуло разочарование, словно он осознал, что его попытка помочь только усугубила ситуацию. Затем, с некоторой горечью в голосе, произнес:

– Я боялся, что с тобой что-то случилось. – Он произнес эти слова так, будто то, что она в опасности, перевешивало всё остальные соображения.

Вика понимала, что он только пытается помочь, но от этого всё стало ещё хуже. Она почувствовала, как в ней поднимается волна тревоги. Это не просто безобидная помощь. Это могло быть фатальной ошибкой. Это заставило её понять, что её безопасность стоит на первом месте, а помощь Артемия может привести к нежелательным последствиям.

– Я упала, – ответила она Артемию, глядя в окно, стараясь не встречаться с ним взглядом. И как только она это сказала, ей стало противно, словно она проглотила горькую пилюлю. И честно говоря, она почувствовала, как холодный ветер недоверия прошёлся между ними. Он явно был разочарован в ней, потому что в тот момент, они оба знали, что это было не правдой.

Артемий, не говоря ни слова, поднял рукав своей рубашки и вытянул вперед руку.

У Вики в этот момент замерло сердце. Её дыхание перехватило, когда она увидела его руку. Вся она была усеяна мелкими, бледными шрамами. Некоторые из них выглядели так,

будто кто-то тушил горящую сигарету о его кожу, и она содрогнулась от ужаса, представив себе эту картину.

Он медленно повернул руку, и она увидела, что на другой стороне точно такие же шрамы. Её сердце пронзила боль, словно она сама получила эти ожоги, и в горле застрял горький ком.

– Я тоже много падал, Вика, – Артемий опустил рукав, словно скрывая от неё свою боль, и больше ничего не сказал. В его голосе слышалась не только печаль, но и какой-то упрёк, хотя он не произнес ни одного слова.

На секунду ей захотелось возразить, что это было совсем другое, что отец никогда не причинял ей боли, что он просто пытался сбросить её с себя, что это было случайностью. Но потом она поняла, что собралась использовать те же оправдания, что и её мать, умалчивая правду. К тому же, она прекрасно понимала, что действия её отца не подлежат никаким оправданиям, и что это было насилием, а не случайностью. Артемий, в свою очередь, всё понял без слов, по её испуганному взгляду и отговоркам, но ему было обидно, что Вика не до конца честна с ним, что он, по какой-то причине, не заслужил её доверия. И этот пронзительный взгляд в её сторону, как будто спрашивал её, почему она снова выбрала ложь, а не истину.

Когда они доехали до дома, машина её мамы уже стояла там, припаркованная на своём месте. Разумеется, теперь в положенном месте. Не возле подъезда, как она это сделала вчера, и что стало причиной конфликта, от которого до сих пор сжималось сердце Вики.

Это означало, что Артемий не сможет зайти к ней и посмотреть шоу, как они обычно это делали. Вика, словно желая сгладить неловкость, собиралась сказать ему, что она позже принесёт одеяла, которые она приготовила для него, и, возможно, какие-то теплые вещи. Но, выйдя из автобуса, он, словно обиженный ребёнок, даже не сказал ей «до свидания». Он просто молча и не оглядываясь пошёл по улице, его плечи были напряжены, а взгляд прикован к асфальту. Он уходил от неё, как будто злился, и это ранило её ещё сильнее. Ей казалось, что он обиделся, что она не захотела сказать ему правду, и не доверяла ему свои переживания. Он шёл так быстро, словно хотел убежать не только от неё, но и от своих собственных мыслей.

ГЛАВА 2

Уже стемнело, и холодные тени ночи скользили по стенам дома. Вика ждала, когда родители, наконец, уснут. Её сердце билось тревожно, она нервно перебирала в руках одеяла, словно желая поскорее их отдать. Наконец, через некоторое время, когда тишина в доме стала почти осязаемой, ей показалось, что родители, наконец, погрузились в глубокий сон. Вика, словно тень, с одеялами в руках, тихо выскользнула через дверь в подъезд. Она спустилась вниз, как будто кралась через минное поле, и, стараясь ступать как можно тише, направилась к соседнему дому. Она взяла с собой фонарь, потому что ночная тьма была плотной, и снег, как белое покрывало, окутал всё вокруг. Вика, пока дошла до соседнего дома, немного замёрзла, и ощутила, как ледяной ветер пронизывает её насквозь. Осторожно поднявшись на верхний этаж, она тихо постучала в дверь чердака, и, как только он открыл, она торопливо вошла внутрь, желая согреться от холода, пробравшего её до самых костей.

Вот только согреться она не смогла. Почему-то внутри чердака было даже холоднее, чем снаружи. Она включила фонарь и обвела им вокруг, но кроме старых, пыльных коробок, которые громоздились по углам, там ничего не было. Холодный ветер гулял по чердаку, словно неприкаянная душа, и от этого ей становилось ещё холоднее.

Она протянула Артемию одеяла, чувствуя себя виноватой за то, что он вынужден был терпеть такой холод. Вика продолжала оглядываться, словно желая понять, где же здесь может быть хоть какое-то тепло. В крыше, кое-где были широкие щели, через которые ветер и снег беспрепятственно проникали внутрь, создавая невыносимый холод, а в воздухе чувствовался запах сырости и запустения. Когда она направила луч фонаря в глубь чердака, она увидела в одном из углов вещи Артемия. Его рюкзак и тот рюкзак, который ему дала она. Там же была небольшая стопка других вещей. На полу, словно на импровизированной кровати, лежало несколько разобранных коробок, а на них было два старых полотенца. На одном, надо полагать, он лежал, пытаясь хоть как то согреться, а другим укрывался, и от этой картины у неё душа сжалась от жалости.

От ужаса Вика прижала руку к губам, едва сдерживая рыдания, и её глаза наполнились слезами. И он жил так несколько недель! В этом ледяном аду, лишенный тепла и уюта.

Артемию, словно очнувшись от глубоких мыслей, положил руку Вике на спину и попытался мягко выпроводить её с чердака, опасаясь за её безопасность.

– Тебе не надо было приходить сюда, Вика, – сказал он, его голос звучал тихо, но настойчиво. – Вдруг тебя здесь кто-нибудь увидит, – в его словах чувствовалась забота и страх одновременно.

Тогда, словно поддавшись внезапному порыву, она схватила его за руку, её пальцы сжали его ладонь с отчаянной силой, и сказала:

– Тебе тоже не надо здесь находиться, – она потянула его за собой к выходу, её решимость была очевидна. Но он выдернул руку, словно не желая подчиниться её порыву. Тогда она, задыхаясь от волнения, добавила:

– Сегодня ты будешь ночевать на полу в моей комнате. Я запру дверь. Ты не можешь спать здесь, Артемий. Здесь слишком холодно, ты можешь получить воспаление лёгких и умереть, – её голос дрожал, словно от зимнего ветра, её слова звучали как приговор, как констатация факта, с которым невозможно спорить.

У него был такой вид, как будто он не знает, как поступить. Его глаза бегали из стороны в сторону, словно он метался между выбором. Вика была уверена, что мысль о том, что его застанут в её спальне, пугала его не меньше, чем пневмония и возможная смерть от холода. Он оглянулся на свой скудный уголок на чердаке, где, как казалось, не было места ни для жизни,

ни для мечты, а потом, не раздумывая, просто кивнул, словно соглашаясь со своей судьбой, и ответил:

– Ладно.

Она считала, что поступает правильно, она должна была помочь ему, она не могла позволить ему оставаться на этом холодном чердаке, словно брошенному в ледяную бездну. Но если бы их поймали, у неё точно были бы большие неприятности. Это было рискованно, но она не могла поступить иначе. После того, как Вика провела его через подъезд, где царилла напряженная тишина, а потом в свою спальню, как будто в потайную комнату, она немедленно заперла дверь, словно запечатывая их тайну от всего мира.

Той ночью, когда они остались наедине, он рассказал ей о себе, словно раскрывая страницы давно забытой книги. Вика, словно заботливая хозяйка, устроила ему лежбище на полу возле своей кровати, стараясь создать хоть какой-то уют в этом ограниченном пространстве. Одно одеяло, мягкое и пушистое, она постелила на пол, словно ложе, положила рядом подушку, словно для сна в облаках, и дала второе одеяло, чтобы он укрылся от холода. Она поставила будильник на шесть утра, чувствуя себя виноватой за то, что не может предложить ему ничего большего, и предупредила Артемия, что ему нужно будет встать и уйти до того, как проснутся родители, потому что мама иногда будит её по утрам.

Она, словно любопытный ребенок, забралась в постель и, перегнувшись через край, чтобы иметь возможность видеть его, пока они разговаривали, она спросила у него:

– Сколько ещё ты сможешь прожить на чердаке соседнего дома? – Ее голос был тихим, но в нём чувствовалась тревога.

Он, словно отворачиваясь от горькой правды, пожал плечами и ответил:

– Пока не знаю.

– А как ты оказался на этом чердаке? – её вопрос прозвучал ещё тише, и она боялась спугнуть его им.

Около её кровати горела лампа, и её мягкий свет рассеивал темноту, они говорили шёпотом, словно опасаясь подслушивания, но после этого вопроса Артемий некоторое время молчал, словно погружаясь в водоворот болезненных воспоминаний. Он просто смотрел на неё, заложив руки за голову, словно желая найти правильные слова и думал о том, с чего начать. После глубокого раздумья, как будто прислушиваясь к своему сердцу, он заговорил, и его слова звучали, как отголоски прошлой боли:

– Я не знаю моего настоящего отца. Он никогда не появлялся в моей жизни. Мы всегда жили только вдвоем, я и мама, – его голос дрожал, словно от старой раны, которую он с трудом пытался скрыть. – Но около пяти лет назад она снова вышла замуж, за парня, который невзлюбил меня с самого начала нашего знакомства. Он придирался ко мне с поводом и без повода, из-за этого мы много ссорились. К тому же он большой любитель выпить и втянул в это мою мать. Несколько месяцев назад, когда мне исполнилось восемнадцать, мы крупно поругались, и он выгнал меня из дома, словно я был грязью под его ногами, и мне не было места в их жизни.

Артемий глубоко вздохнул, как будто не хотел больше ничего ей рассказывать, словно боясь, что его раны снова откроются, но потом, через силу, он снова заговорил, продолжая свою печальную исповедь:

– С тех пор я жил со своим другом и его бабушкой, пока его родители работали и обустроивались в другом городе, – он говорил медленно, и его слова были наполнены горечью и благодарностью. – Через некоторое время родители моего друга забрали его и бабушку к себе в другой город, и они переехали. Разумеется, они не могли взять меня с собой. Они и без того много для меня сделали, разрешив пожить у них. Я это понимал, – в его голосе слышалась печаль, – и сказал им, что поговорил с мамой и могу вернуться домой, чтобы они не переживали за меня. Но они и не подозревали, что я просто врал, лишь бы не доставлять им хлопот.

В тот день, когда они уехали, мне некуда было идти. Поэтому я отправился к маме и сказал ей, что хотел бы вернуться домой и пожить там до окончания школы, – он криво усмехнулся, словно напоминая себе о своей глупости. – Но она была пьяна, и даже не впустила меня в дом. Сказала, что это расстроит моего отчима, – он замолчал, и его голос сорвался, словно струна, натянутая до предела.

Артемий отвернулся и посмотрел на стену, пытаясь скрыть от Вики подступающие слёзы, которые были словно эхо его глубокой боли. Он не хотел показывать свою слабость, он не хотел, чтобы она жалела его.

– Поэтому я просто бродил по окрестностям, пока не нашел этот не запертый чердак, – наконец сказал он. – Я подумал, что смогу пожить в нём, пока не подвернётся что-то ещё, или пока я не окончу школу. В июне я иду в армию, поэтому я всего лишь стараюсь продержаться до этого времени, – его слова были наполнены безысходностью, словно он плыл по течению, не имея ни сил, ни надежды изменить свою судьбу.

Вика в этот момент, услышав его слова, подумала, что до июня ещё целых шесть месяцев. Целых шесть месяцев он будет жить в нечеловеческих условиях, если она ему не поможет. И это осознание наполнило её сердце ужасом и состраданием.

У неё в глазах стояли слёзы, словно отражение его боли, когда он закончил свой печальный рассказ. Она, с трудом сдерживая рыдания, спросила, почему он не попросил ни у кого помощи. Артемий, опустив глаза, сказал, что пытался, но совершеннолетнему гораздо сложнее получить от кого-то помощь, а ему уже восемнадцать, и по закону он уже самостоятельный человек. Кто-то, сжалившись над ним, дал ему телефоны приютов, где ему могли бы помочь, но они все располагались очень далеко, в других районах, и оттуда было бы проблематично добираться до школы, – его слова звучали, словно приговор. И потом, там надо было стоять в длинной очереди, чтобы получить место, словно он был какой-то вещью, а не человеком. Артемий сказал, что однажды попробовал туда попасть, но на чердаке он чувствовал себя в большей безопасности, чем в приюте, где он, как и на чердаке, был одинок.

В таких ситуациях Вика ещё многого не понимала, она только начинала открывать для себя мир взрослых проблем и у неё не было опыта, поэтому она, не понимая, как помочь, спросила:

– А разве нет других вариантов? Разве ты не мог рассказать в школе о том, что с тобой случилось? – её голос дрожал от волнения, и она надеялась, что существует какое-то решение.

Он, в знак отрицания, покачал головой и ответил, что он уже слишком взрослый для детского дома и приёмной семьи. Ему уже восемнадцать, и у его матери не будет никаких неприятностей из-за того, что она не позволяет ему вернуться домой. Он сказал, что хотел найти работу, и что каждый день, когда он уходил от Вики во второй половине дня, он отправлялся на поиски, но у него не было ни адреса, ни телефона, чтобы ему могли сообщить о принятом решении, поэтому все его попытки заканчивались ничем, и это только усложняло ситуацию. Его жизнь словно катилась по наклонной плоскости, без всякой надежды на спасение.

На каждый её вопрос у него был ответ, но ответы эти, как тёмные облака, не приносили облегчения, а лишь усугубляли её тревогу. Как будто Артемий испробовал все возможные варианты, чтобы выбраться из этой сложной ситуации, но таким людям, как он, не слишком охотно помогают. Эта безысходность, эта незащитность перед лицом несправедливости, настолько её разозлили, что она, не сдерживая эмоций, сказала, что он сошёл с ума, раз собирается идти в армию. Она без обиняков выпалила:

– Какого чёрта ты решил служить стране, которая позволила тебе оказаться в таком положении? – её голос дрожал от смеси гнева и беспокойства.

Его глаза, в которых отражалась усталость и боль, погрузнели ещё больше, и он ответил, словно пытаясь защититься от её гнева:

– Страна не виновата в том, что моей матери на меня наплевать. – Он протянул руку и, как будто желая прекратить разговор, выключил лампу. – Спокойной ночи, Вика. С новым днём приходят новая сила и новые мысли.

После этих слов комната погрузилась в темноту, а в душе Вики бушевал шторм. Она почти не спала, её мысли метались, словно растерянные птицы в ночном небе. Вика была слишком сердита и не знала, на кого именно она сердилась – на себя, на Артемия, на свою страну, на весь мир. Мысли так и крутились в её голове, словно застрявшие в паутине: о том, как часто люди несправедливы друг к другу, отказывая в поддержке и взаимопомощи, словно каждый думал только о себе. И она вдруг задумалась о том, сколько ещё таких людей, как Артемий, скрывается в тени, беззащитных и одиноких, оставленных на произвол судьбы, не знающих, как найти выход из этого замкнутого круга. Неужели так было всегда? И её сердце сжалось от осознания огромного горя и равнодушия, которые несёт этот мир.

Она ходила в школу каждый день с неохотой, словно выполняя необходимую обыденную вещь, но ей никогда не приходило в голову, что школа может быть единственным хорошим местом для некоторых детей. Это было единственное место, где Артемий мог на несколько часов согреться, почувствовать себя в относительном безопасности и забыть про свои проблемы. А может и не только он.

Вика, переосмысливая свою жизнь, думала о том, что теперь она никогда не сможет уважать зажиточных людей, которые, по её мнению, были слишком равнодушны к страданиям других. Она понимала, что люди бывают разные, что чёрствые эгоисты есть не только среди богатых, но их хватает и среди людей более низкого достатка. Она тут же подумала о своей семье, и её сердце наполнилось разочарованием. Они не были богаты, но точно не настолько бедны, чтобы не помогать другим людям. Она вспомнила, что её родители никогда не занимались благотворительностью, и что они жили в своем маленьком мире, не желая видеть горе и несправедливость вокруг.

Она вспомнила, как однажды, несколько лет назад, когда она была ещё маленькой, они с отцом пошли в магазин за продуктами, и какой-то старик, с измождённым лицом, собирал деньги на операцию для своей жены, протягивая к прохожим дрожащие руки. Вика, с детской наивностью, спросила отца, могут ли они дать ему денег, помочь ему. Но он, словно отмахиваясь от назойливой мухи, ответил, что нет, что он много работает, чтобы что-то заработать, и не собирается разбрасываться деньгами направо и налево. Он сказал, что это не его вина в том, что другие люди не хотят работать, и что они должны сами о себе позаботиться. Всё время, что они были в магазине, он говорил ей о том, как люди обманывают, притворяются нуждающимися, чтобы получить помощь, и как это его раздражает. И пока не прекратится помощь этим аферистам, проблема, по его мнению, никогда не исчезнет. Его слова были полны цинизма и недоверия.

Вика, доверчивая и наивная, поверила ему, словно истине в последней инстанции. И всё это время она думала, что бездомные не имеют дома только потому, что они алкоголики, наркоманы или просто не хотят работать, как другие люди, – её сердце сжималось от осознания собственной глупости. Но теперь она знала, что это неправда, что за фасадом равнодушия скрывается боль и отчаяние. Конечно, кое-что в словах отца, возможно, до определенной степени, было правдой, но он говорил о худшем сценарии, словно он был нормой. Не все бездомные сами выбрали такую жизнь, многие из них были просто жертвами обстоятельств, словно пешки в чужой игре, и им просто не повезло, или им не протянули руку помощи в трудную минуту. Среди бездомных могли быть подростки, на которых наплевали собственные родители, или старики, на которых наплевали их дети.

Такие люди, как её отец, – вот это настоящая проблема. Вместо того чтобы помогать другим, сострадать, они прикрываются наихудшим сценарием, словно щитом, чтобы оправдать собственный эгоизм и свою жадность. И эта мысль жгла её изнутри, словно раскаленное железо.

Она решила, что никогда не будет такой. Она решила, что когда вырастет, даже если не будет богатой, будет делать всё, что в её силах, чтобы помочь другим людям, особенно детям, подросткам и старикам, чьи голоса часто остаются не услышанными, и чья боль остается незамеченной. Она поклялась себе, что её сердце будет открыто для сострадания и любви, что она будет светом во тьме для тех, кто потерял всякую надежду.

Через некоторое время Артемий по-настоящему заболел. Несколько ночей подряд, словно призрак в ночи, он забирался по пожарной лестнице в комнату Вики, чтобы найти убежище на полу, возле её кровати. Вика сразу поняла, что с ним что-то не так, стоило ей на него посмотреть. Выглядел он ужасно. Его глаза, обычно полные жизни, теперь были покрасневшими и беспокойными, кожа бледная и землистая, и хотя за окном всё ещё царил зимний холод, его волосы были мокрыми от густого, липкого пота. Она даже не стала спрашивать, нормально ли он себя чувствует, – состояние Артемия кричало о том, что ему очень плохо. Его то знобило, то его пронизывало жаром, как будто его тело пыталось удержаться на плаву в бушующем океане болезни. В очередной раз, непроизвольно, Вика положила ладонь ему на лоб, и он оказался таким горячим, что она едва не позвала маму. Но этот страх, как тень, отошёл на второй план. Ей нужно было действовать.

Артемий, словно понимая её страх, остановил её, произнеся еле слышно:

– Со мной всё будет в порядке, Вика. – В его голосе сквозила тень безнадежности, но и твёрдая решимость. Он начал беспокойно устраивать себе постель на полу, словно пытаясь найти хотя бы немного уюта и покоя в этом жестоком мире.

Она, не колеблясь, попросила его немного подождать, а сама, как будто спеша на помощь, пошла на кухню и налила ему воды. В шкафчике, где хранились домашние лекарства, она нашла лекарство от простуды и температуры. Не совсем понимая, нужна ли именно эта таблетка Артемию, но повинаясь инстинкту, она заставила его выпить лекарство, веря, что это поможет.

Он лежал на полу, свернувшись калачиком, но, к её ужасу, примерно через полчаса он позвал хриплым голосом:

– Вика! Думаю, мне потребуется мусорное ведро или пакет. – Его слова прозвучали как последний вздох.

Вика вскочила с кровати, схватила мусорную корзину из-под письменного стола, и, словно покорная раба, опустилась перед Артемием на колени. Как только она это сделала, он тут же нагнулся над корзиной, и его вырвало. Её сердце сжалось от сострадания. В этом ужасе, перед лицом нестерпимой болезни, она ещё больше убедилась, что должна ему помочь.

Вике было его так жалко, что слёзы невольно навернулись у неё на глазах. Его мучила болезнь, ему было очень плохо, а у него не было ни ванной, чтобы ополоснуться, ни кровати, чтобы прилечь, ни дома, ни матери, чтобы позаботиться о нём. У него была только она, а она, в свою очередь, чувствовала себя беспомощной, словно птица со сломанным крылом, и не знала, как ему помочь.

Когда рвота у него прекратилась, она дала ему выпить воды, словно предлагая глоток живой силы, а потом сказала, чтобы он лег в постель. Артемий с трудом отказался, чувствуя себя виноватым за то, что доставляет ей столько хлопот, но она не отставала, её решимость была непоколебима. Поставив корзину для мусора возле кровати, она, словно спасая его от неминуемой гибели, уложила его в постель.

Артемий был такой горячий, его так трясло, что она просто побоялась оставлять его на холодном полу. Вика, как будто желая разделить с ним его страдания, легла рядом с ним, словно оберегая его сон. Следующие шесть часов его мучила лихорадка, и его рвало каждый час. Вика, словно маятник, выносила корзину в ванную, чтобы опорожнить и помыть её, а затем, вернувшись обратно, садилась рядом, и с болью в сердце, наблюдала за его страданиями. Это была ужасная ночь, но что ещё Вика могла сделать? Он нуждался в её помощи, ведь у него, кроме неё, никого не было.

Когда рано утром, с первыми лучами солнца, ему, с трудом, пришлось уходить из её комнаты, она сказала ему, чтобы он шёл на чердак, пообещав зайти проведать его перед школой. Вика, с удивлением, наблюдала за тем, как, шатаясь от слабости, у него хватило сил спуститься по пожарной лестнице, пока ещё было темно. Она оставила мусорную корзину у кровати и дождалась, когда мама придет её будить. Когда та, с обычным выражением лица, вошла в комнату, то сразу увидела корзину рядом с кроватью, и с удивленным видом, немедленно приложила руку ко лбу дочери.

– Вика, что случилось? – её голос звучал встревоженно.

Вика, словно играя свою роль, застонала и покачала головой.

– Меня всю ночь тошнило. Думаю, уже всё прошло, но я совсем не спала, – она произнесла эти слова с такой убедительностью, что её мать ни о чём не догадалась.

Мама Вики, обеспокоенная состоянием дочери, забрала мусорную корзину и, словно заботливая наседка, велела ей оставаться в постели. Она сказала, что позвонит в школу и сообщит, что дочь будет отсутствовать по болезни, и что ей нужно хорошенько отдохнуть. После того как она уехала на работу, Вика, словно нарушая все правила, пошла к Артемию, привела его обратно в свою комнату, и уложила в постель, чтобы он поспал и набрался сил. Тошнота, к сожалению, по-прежнему не покидала его, и он чувствовал себя ужасно. Периодически она заходила в комнату и проверяла, как он себя чувствует, и, наконец, к обеду, как по волшебству, он почувствовал себя лучше, тошнота прекратилась, и температура немного спала. Вика, с нежностью и заботой, приготовила ему суп, но он съел очень мало, так как аппетита у него совсем не было.

Они уселись на диван, и, чтобы согреться, укрылись одеялом, которое она принесла, словно теплым покрывалом от всех невзгод. Прижавшись к нему, она почувствовала покой, тепло и уют, которого ей так не хватало. Вике в тот момент казалось, что если человек будет чувствовать тепло и поддержку, то он быстрее поправится, и она хотела дать ему это тепло. Через несколько минут, совершенно неожиданно, Артемий чуть нагнулся к ней и прижался губами к задней части её шеи, чуть ниже того места, где начинается затылок. Это был быстрый, невесомый поцелуй, скорее как жест благодарности, как немой крик души, без комментариев и слов. Но Вика при этом почувствовала столько всего сразу, как будто молния пронзила её тело, от головы до кончиков пальцев. После этого прошло уже несколько часов, а она всё время трогала это место пальцами, словно пытаясь сохранить тепло его губ, потому что до сих пор ощущала их трепетное прикосновение.

Вика понимала, что это был, вероятно, худший день в его жизни, что он был на грани, но для неё, как ни странно, он стал одним из лучших, словно луч света во тьме. От этих мыслей ей было ужасно стыдно, и её щёки вспыхнули от смущения.

Вместе они смотрели мультфильм «Красавица и Чудовище». Досмотрели до того момента, где чудовище, умирая, прощается с Бэлль, а она в темноте и в отчаянии, плачет на его груди.

Артемий, сжав губы, схватил Вику за руку, когда смотрел эту трогательную сцену. Он сжал её так сильно, как будто хотел сказать: – Это мы. Он был Чудовищем, а Вика была Бэлль,

и она не хотела, чтобы он умирал, чтобы он исчезал из её жизни. А после наступил свет, озаривший тьму.

– Просто нужно верить, сосредоточиться и в самые тёмные моменты увидеть свет, – прошептала она Артемию.

– Да! Это точно! – тихо ответил он и прижался к ней ещё сильнее.

Вике становилось страшно от того, что этот парень нравился ей всё больше и больше, что она становилась всё более зависима от его присутствия. Когда они находились вместе, она думала только о нём, все остальные проблемы казались ей такими незначительными, а когда его не было рядом, она беспокоилась за него, словно он был частью её, и она боялась его потерять. Её жизнь начинала вращаться вокруг этого человека, она знала, что это неправильно, что она теряет себя, что она не должна так сильно привязываться к нему, но ничего не могла с этим поделать. Она не знала, как быть в этой ситуации, ведь Артемий, как перекасти-поле, мог уехать в любую минуту, и её сердце каждый раз сжималось от страха потерять его.

Он ушёл на чердак, словно возвращаясь в свою тюрьму, после того, как они закончили смотреть мультфильм, и Вика чувствовала себя виноватой, что она может лечь в теплую постель, когда он должен был вернуться в холод. Уже ночью, когда родители уснули, он, словно ночной гость, поднялся по пожарной лестнице. Предыдущей ночью, он, с её согласия, спал с ней в её постели, потому что ему было очень плохо, и Вика не могла оставить его одного. Перед тем как лечь спать, она с заботой отправила в стиральную машину одеяла, на которых он спал, чтобы они были чистыми и чтобы он не заболел снова.

– А где моя постель? – спросил Артемий, когда вошёл в комнату, и в его голосе чувствовалось легкое удивление.

– Тебе придётся снова спать со мной, потому что я отправила одеяла в стирку, чтобы они были чистыми и чтобы ты не заболел снова, – ответила она, стараясь говорить как можно спокойнее, но в душе её всё трепетало.

Сначала Вике показалось, что он хочет уйти, что он смутился её предложением. Но потом он, словно подчиняясь её желанию, закрыл балконную дверь, снял обувь и лёг рядом с ней.

Его больше не рвало, и его состояние улучшилось, но когда он лёг, Вика почувствовала сильное волнение, словно её сердце вот-вот вырвется из груди. Но на самом деле, она всегда волновалась, когда он был так близко, и с каждым разом её чувства становились всё сильнее.

Они лежали лицом друг к другу, в полумраке комнаты, и когда Артемий сказал: «Когда тебе исполнится шестнадцать?», Вика почувствовала, как её сердце забилося учащённо.

– Через два месяца, – прошептала она, еле слышно. Они продолжали смотреть друг на друга, и в этом молчаливом обмене взглядами таилось что-то большее, чем просто дружеский интерес. Её дыхание участилось, а в горле пересохло. Чтобы скрыть это, она спросила, стараясь звучать легко: – Когда тебе исполнится девятнадцать?

– Только в октябре, – ответил Артемий, его голос был тихим и спокойным.

Вика кивнула, пытаясь унять учащенное сердцебиение. Она гадала, почему он задавал вопросы о возрасте и что он думает о пятнадцатилетних, о ней. Смотрел ли он на неё так, словно она была всего лишь ребенком, или же она чувствовала не то, что должна была чувствовать? Что-то вроде младшей сестры, или может быть, что-то большее? Ей было почти шестнадцать, и разница в два с половиной года не казалась такой уж огромной. Может быть, когда людям пятнадцать и восемнадцать, эта разница воспринимается как пропасть.

– Я должен тебе кое-что сказать, – произнес Артемий, и в его голосе звучала осторожность.

Вика затаила дыхание, всё её внимание сосредоточилось на ожидании.

– Сегодня я связался с моим дядей. Мы с мамой бывали у него в Москве. Он сказал мне, что как только он вернётся из командировки, я могу приехать и остаться у него, – в его словах звучала надежда, возможно, и слегка облегчённая обречённость.

Вике следовало бы искренне порадоваться за него в этот момент, улыбнуться и поздравить этого парня с хорошей новостью. Но вместо этого она почувствовала, как что-то хрупкое, важное внутри неё треснуло. Она понимала, что это не просто временное расставание, это прощание, и осознание того, что от неё уходит что-то важное, что теперь она будет без него, заставило её почувствовать острую боль и беспомощность. Ей стало очень жаль себя. В её глазах отражалась не только радость за Артемия, но и печаль от предстоящей разлуки.

– Ты поедешь? – спросила она, её голос был тихим и неуверенным, словно она боялась услышать ответ.

Артемий пожал плечами, и этот жест неопределённости вызвал у неё внутренний трепет:

– Не знаю. Мне сначала хотелось поговорить с тобой, – его слова были полны намеков и скрытых смыслов, и Вика не могла понять, что именно он имел в виду.

Он был так близко к ней в постели, что она чувствовала тепло его дыхания, и от этого её щёки вспыхнули, и дыхание перехватило. Вика вдруг заметила, что от него, словно от мятного леденца, пахнет мятой, и подумала, что он, наверное, чистит зубы перед тем, как прийти к ней. Ведь она каждый день, с заботой, давала ему с собой несколько бутылок воды для его нужд.

Она, не зная, как реагировать на его слова, поднесла руку к подушке и принялась рассеянно вытаскивать нитку, торчащую из шва наволочки. Оторвав, она стала крутить её между пальцев, словно пытаясь найти в этой нити ответы на свои вопросы.

– Не знаю, что сказать. Я очень рада, что у тебя будет дом, – сказала она, стараясь скрыть своё разочарование, – но как же школа?

– Я могу окончить её там, – ответил Артемий, словно обдумывал ситуацию. – Окончить школу – это пока главная моя цель, – в его словах звучало твердое убеждение, и Вика понимала, что он, наверное, уже всё решил.

Вика кивнула, словно соглашаясь с его доводами. Это прозвучало так, будто он уже принял решение, и все её надежды на то, что он останется рядом, рушились на глазах.

– Когда ты уезжаешь? – спросила она, и в её голосе проскальзывали грустные нотки.

Она задумалась о том, как далеко отсюда Москва, как много километров разделяло их. Вероятно, до неё ехать несколько часов, но это огромное расстояние, если у тебя нет машины, а у него её не было.

– Я до конца не уверен, что уеду, – сказал он, как будто улавливая её печаль. – Но постоянно думаю о том, что, ничего не меняя, ничего не изменится, – в его словах слышалась тоска по лучшей жизни.

Она, словно устав от этой безысходности, бросила нитку на подушку и опустила руку, чувствуя себя такой беспомощной.

– Что тебя останавливает? Ведь твой дядя предлагает тебе дом. Это хорошо, верно? – её голос звучал тихо и сдержанно.

Артемий сжал губы, словно сдерживая эмоции, и кивнул, соглашаясь с её словами. Потом, неожиданно, он взял нитку, с которой она играла, и тоже начал крутить её между пальцев, словно размышляя над чем-то. Как и она, он, задумчиво, положил её обратно на подушку и сделал то, чего Вика от него совсем не ожидала. Он, не говоря ни слова, поднёс палец к её губам и коснулся их.

Тысячи мурашек, словно электрические разряды, пробежали по её телу, она думала, что от этого невыносимого напряжения она просто умрет на месте. Это было наивысшее наслаждение, которое Вика ощутила всем телом, и она не хотела, чтобы эти мгновения заканчивались. На несколько секунд его пальцы замерли на её губах, и он, смотрев ей прямо в глаза, сказал:

– Спасибо, Вика. За всё. – его голос был таким нежным и благодарным, что она готова была расплакаться от переизбытка чувств.

Он запустил пальцы ей в волосы, нагнулся и, с особой нежностью, поцеловал в лоб, и этот поцелуй, как печать, запечатлелся в её сердце. Ей было так тяжело дышать, что ей пришлось приоткрыть рот, чтобы захватить больше воздуха, словно утопающий, цепляющийся за соломинку. Она видела, что его грудь поднимается и опускается так же тяжело, как и её, и это заставляло надеяться, что он чувствует то же, что и она. Артемий, словно очарованный, посмотрел на неё, и Вика заметила, что его взгляд, полный нежности, скользит по её губам, и она понимала, чего он желает больше всего на свете.

– Тебя когда-нибудь кто-нибудь целовал? – тихо спросил он, его голос был как бархат.

Она, словно загипнотизированная, отрицательно покачала головой, и, как будто подчиняясь порыву сердца, подняла лицо к нему, потому что ей нужно было немедленно это изменить, иначе она просто не сможет дышать.

И тогда – так осторожно, словно она была хрупкой, как бабочка, которую он боялся сломать, – Артемий коснулся губами её губ и замер, словно боясь спугнуть магию этого момента. Она, словно замороженная, не знала, что делать дальше, но ей было абсолютно всё равно. Они могли оставаться так всю ночь и никогда больше не шевелить губами, и она чувствовала, что в этом касании заключена целая вселенная.

Его губы, словно два нежных лепестка, сомкнулись на её губах, и она почувствовала, как дрожит его рука, словно от переизбытка чувств. Вика, повинаясь инстинкту, начала повторять движения его губ, словно танцуя в ритме его сердца. Она почувствовала, как кончик его языка один раз, словно легкое прикосновение пера, коснулся её губ, и от этого неожиданного наслаждения её глаза закатились. Он сделал это ещё раз, потом ещё один, и тогда она, словно подражая его движениям, сделала то же самое. Когда их языки впервые встретились, она вроде как чуть улыбнулась, потому что много думала о своём первом поцелуе. Как это будет? С кем это будет? Но она даже представить не могла, что будет чувствовать себя так, как будто она попала в другой мир.

Он, как будто не желая прерывать этот магический момент, перекатил её на спину, прижался ладонью к её щеке и, словно напиваясь, продолжал целовать, всё сильнее и сильнее. Поцелуй становился всё более нежным, но при этом она чувствовала себя всё более раскованно и комфортно, будто они плыли по течению в океане любви. Больше всего Вике понравилось, когда он на секунду оторвался от неё, посмотрел сверху, словно изучая, а потом, с новой силой, поцеловал её ещё крепче, словно не желая отпускать.

Они целовались так долго, что у Вики заболели губы от непрерывных поцелуев, и глаза начали слипаться, сон одерживал победу над реальностью. Когда они заснули, их губы всё ещё соприкасались.

Они больше не говорили о Москве, словно их не волновало, что произойдет в будущем.

Она так до конца и не поняла, уедет он или нет, но в эту ночь они были вместе, и этого было достаточно.

Теперь Артемий, словно одержимый любовью, каждый день приходил к Вике сразу после школы, как будто не мог прожить без неё ни минуты. Он быстро принимал душ, словно смывая с себя всю усталость и тревоги, и они, словно два магнита, тянулись друг к другу, и целовались. Каждый день испытывать наслаждение от их нежных, полных страсти поцелуев, это было потрясающе.

Им вместе было так хорошо, как будто они были двумя половинками одного целого... Артемий, по отношению к Вике, был таким нежным и заботливым, словно оберегал её, как драгоценное сокровище. Он никогда не делал ничего такого, что ей не нравилось, и, как ни странно, даже не пытался делать ничего подобного. Вика, в свою очередь, никогда ни о чём

не распространялась: ни о себе, ни о своей семье, ни о том, что происходит у них дома. Она была уверена, что Артемий такой же, что он не будет давить на неё, что он будет уважать её личное пространство. Если раньше он только мог догадываться о том, какая у неё грудь, смотря на её формы сквозь одежду, то теперь он знал об этом наверняка, и она, нисколько этого не стесняясь, наслаждалась его прикосновениями.

Вика представить не могла, как можно жить без человека, который тебе так сильно нравится, человека, который делает тебя счастливой, как никто другой. Если бы это зависело только от неё, они бы с Артемием не расставались ни на минуту, они бы целовались дни и ночи напролёт, и даже в перерывах, возможно, немного разговаривали, потому что молчание с ним было таким же приятным, как и поцелуи. Артемий, оказывается, умел рассказывать смешные истории, он обладал прекрасным чувством юмора, хотя и не показывал этого часто. Вике нравилось, когда он находился в разговорчивом настроении, потому что такое случалось не часто, и она ценила эти моменты больше всего. Он рассказывал интересные истории, причём так увлекательно, что она слушала его с восхищением, открыв рот от удивления. К тому же, он многое мог сделать своими руками, он был очень талантлив. За время своих визитов он отремонтировал её фен, миксер, старый приёмник. А ещё он много улыбался, и его улыбку она любила, возможно, даже больше, чем его поцелуи, потому что она видела в ней искренность и чистоту. Иногда ей просто хотелось, чтобы он помолчал и перестал улыбаться или целоваться, ей хотелось просто смотреть на него, как на произведение искусства, и любоваться им. Ей нравилось смотреть в его глаза, в них было что-то особенное. Они такие голубые, что даже если он стоял в другом конце комнаты, его глаза всё равно было видно издалека, настолько они были яркие и пронзительные. Она даже делала зарисовки, рисовала простым карандашом его портреты: когда он улыбается, когда грустит, когда удивлён, – ей хотелось запечатлеть каждую его эмоцию. У неё получилась целая серия портретов с его разными эмоциями, и на каждом портрете она выделяла глаза голубой пастелью, только они были цветными и выделялись среди чёрно-белого карандашного рисунка. С той ночи, когда они впервые поцеловались, они больше не заводили разговор о Москве, словно эта тема была под запретом. Вика сама не хотела об этом говорить, потому что расставание с Артемием наводило на неё грустные мысли, и она отгоняла их, словно назойливых мух.

Как-то днем, они ехали из школы в автобусе, Артемий поцеловал Вику. В этом не было ничего необычного, потому что к тому моменту они уже много целовались, но это был первый поцелуй на людях. Когда они были вместе, всё вокруг словно исчезало, и Артемий забывал о том, что на него смотрят другие люди. Но Катя, сидевшая позади, не забывала. Она заметила их поцелуй, и, словно заведенный механизм, её слова потекли в пространство:

– Не могу поверить, что Вика позволяет ему прикасаться к себе. Это просто ужас. Он ходит в одной и той же одежде почти каждый день, выглядит, словно... словно... словно бродяга.

Слова Кати, пропитанные презрением и осуждением, достигли Вики, и от этого она почувствовала острую боль, словно её ударили в самое сердце. Не только за себя, но и за Артемия, которого она любила и, возможно, слишком сильно привязывалась. С болью она видела, как слова Кати отразились в его глазах, как они заставили его отстраниться от неё.

Она почувствовала прилив гнева. Хотелось повернуться и поставить Катю на место, объяснить ей, что она не имеет права судить о человеке, не зная его, что Артемий добрый и заботливый, несмотря на внешность, что его забота и доброта заслуживают уважения. Но прежде чем она успела повернуться, Артемий, словно угадав её намерения, схватил её за руку и покачал головой.

– Не надо, Вика, – его голос был тихим, но в нём звучала уверенность. – Не стоит сердиться на таких людей. Они существуют для того, чтобы мы смотрели на них и старались быть совсем другими, более терпеливыми и понимающими. Иногда нужно понимать, что за внешней оболочкой может скрываться доброта и ценность. – его слова заставили её задуматься, и, хотя гнев ещё не утих, она почувствовала, что он прав.

Она послушала Артемия. Поэтому, как бы ни хотелось ей вступить в спор с Катей, она подавила в себе этот порыв.

Но остаток пути она злилась на то, что Катя, словно не имея сердца, может так просто ранить и унижить человека, даже не понимая, сколько боли она причиняет своими бессердечными словами. Ей было больно ещё и от того, что Артемий, похоже, как будто привык к подобным комментариям, к тому, что его осуждают за его бедность и за его внешний вид. Но, собравшись с мыслями, она вспомнила старую поговорку: «Придорожная пыль неба не коптит», и слова Кати перестали казаться такими важными.

Вика, словно негласно давая понять Кате, чтобы та замолчала, нагнулась к нему и, с нежностью, поцеловала в щёку, а потом, как бы ища защиты, положила голову ему на плечо.

– Знаешь что? – сказала она ему, её голос был полон тепла и любви.

Он, словно улавливая её настроение, переплел свои пальцы с пальцами её руки и, с нежностью, сжал их.

– Что? – спросил он, и в его голосе чувствовалась забота.

– Ты для меня самый лучший на свете человек, – сказала она, глядя ему в глаза, и в её голосе было столько любви, что она сама от этого растрогалась.

Она почувствовала, что он тихо рассмеялся, и сама, невольно, улыбнулась, потому что ей нравился его смех.

– По сравнению с кем? – спросил он, словно дразня её.

– По сравнению со всеми, – ответила она, без всяких сомнений.

Он поцеловал её в макушку, от его поцелуя её тело наполнилось нежностью. После этого он произнёс:

– Ты тоже для меня лучше всех, Вика. Ты самая лучшая, – его слова звучали, словно клятва верности.

Когда автобус подъехал к нужной остановке, они, как будто два любящих голубка, шли по проходу взявшись за руки, он впереди, Вика за ним, словно она пряталась за его спиной от всех невзгод этого мира. Поэтому он не видел, как она развернулась и, в отместку за оскорбление Артемия, пихнула Катю, которая заслужила такой пинок, так как выражение её лица не оставляло ей выбора.

Когда они подошли к её квартире, Артемий, словно хозяин дома, взял ключ из её руки и, ловким движением, открыл дверь. Ей было немного странно видеть, насколько уверенно и комфортно он почувствовал себя в её доме, как будто он был его частью. Когда они вошли, и он, так же уверенно, закрыл дверь на задвижку, Вика, по привычке, попыталась включить свет в прихожей, но лампочка не загорелась. Электричества не было. Артемий, как будто это был его дом, с любопытством, осмотрел электрический счётчик, с которым, к её удивлению, всё оказалось в полном порядке. Телевизионное шоу на сегодня отменялось, но Вика не слишком расстроилась, потому что они всегда находили чем себя занять, главное, что они были вместе. Им было просто хорошо вдвоём, а всё, что было вокруг, казалось неважным, и они с легкостью приспосабливались к любым обстоятельствам, пока были вместе.

– Плита у вас электрическая или газовая? – спросил Артемий, словно собирался что-то сотворить, и Вика, несколько сбита с толку его вопросом, ответила:

– Газовая, – с любопытством наблюдая за ним. Он, словно находясь у себя дома, сбросил обувь и, как будто чувствуя себя на кухне, как рыба в воде, уверенно направился туда.

– Я собираюсь кое-что для тебя приготовить, – сказал Артемий, и от его слов у неё забило сердце от предвкушения.

– Ты умеешь готовить? – спросила она, с нескрываемым удивлением.

Он, как будто не слыша её вопроса, открыл холодильник и начал, не спеша, перебирать продукты, словно выбирая ингредиенты для волшебного зелья.

– Да. Я люблю готовить, а потом пробовать то, что получилось. Но больше, пожалуй, я люблю что-то мастерить и ремонтировать, так же, как ты любишь рисовать, – Артемий, словно фокусник, вынул какие-то продукты из холодильника и поставил на плиту сковородку. Вика, не сводя с него глаз, прислонилась к рабочему столу и, затаив дыхание, наблюдала за ним, словно замороженная. Он даже не заглядывал в рецепт, просто наливал и выкладывал что-то в миски, а потом всё перемешивал, не пользуясь мерной ложкой. Она никогда не видела, чтобы её отец хоть что-то делал на кухне, словно эта территория была для него запретной. Она была уверена, что большинство мужчин были на него в этом похожи, и даже не мечтала о том, что встретит мужчину, который умеет готовить. Но, увидев, как Артемий хозяйничает на кухне, она поняла, что ошибалась, и все её стереотипы разрушились, как картонный домик.

– Что ты готовишь? – спросила она его, и, словно маленькая девочка, подтянулась и уселась на рабочий стол, чтобы быть ближе к нему.

– Оладьи, – ответил Артемий, словно совершая магию, подошёл к ней с миской в руке и окунул в смесь ложку. Он, словно предлагая попробовать кусочек счастья, поднёс ложку к её губам. Тесто для оладий – это её слабость, и такого вкусного теста Вика никогда не пробовала, словно его готовил искусный кулинар.

– Супер, – оценила она, облизывая губы, и в её глазах отражалось наслаждение.

Он поставил миску рядом с ней, нагнулся и поцеловал её. Тесто для оладий и губы Артемия – это было как кусочек рая, подумала она. Из неё вырвался легкий стон, едва слышимый, но красноречиво, давая понять Артемию, как ей нравится это сочетание. Он рассмеялся, но не прервал поцелуя. Смех смешивался с нежностью его губ, и это совершенно растопило её сердце. Счастливый Артемий был просто идеален, он сводил её с ума в самом хорошем смысле этого слова. Вике хотелось больше узнать о мире, который нравился Артемию, и, по-своему, она хотела подарить ему этот мир.

Когда он целовал её, она задумалась о любви. У неё никогда раньше не было такого близкого друга, такого понимающего и заботливого, и поэтому ей было не с чем сравнить свои чувства. На самом деле, до Артемия она никогда не хотела иметь никаких серьезных отношений с парнями. В её семье она видела отвратительное отношение отца к матери, и это сформировало в ней глубокую неприязнь к мужчинам и недоверие к ним.

Временами она спрашивала себя, сможет ли вообще когда-нибудь довериться парню, забыть об ужасных примерах из прошлого. По большей части она ненавидела мужчин, видя в них лишь отражение своего отца. Но то время, которое она провела с Артемием, изменило её. Конечно, они были не так давно знакомы, но он казался исключением из всех правил, которые она создала для себя. Он заслуживал доверия, и она это чувствовала.

Он закончил целовать её и снова взял миску. Он отошёл к плите, и, словно опытный повар, начал ложкой выкладывать тесто для оладий на раскалённую сковороду, создавая золотистые кружочки, которые обещали стать вкуснейшим блюдом.

– Хочешь узнать секрет приготовления пышных и вкусных оладий? – спросил Артемий, словно делись самым сокровенным знанием, и в его глазах горел огонек вдохновения.

Она не была уверена, что её сильно интересовало приготовление пищи, потому что до этого момента она никогда этим не увлекалась, но Артемию каким-то образом удалось пробудить в ней желание узнать всё то, что знал он, и, словно замороженная, она ждала продолже-

ния его рассказа. Возможно, всё дело было в том, каким счастливым он выглядел, когда говорил об этом, словно он раскрывал тайны вселенной.

– Первый секрет пышности оладий: кефир должен быть теплым или комнатной температуры, но ни в коем случае не холодным, иначе оладьи не поднимутся, – принялся объяснять Артемий, с ловкостью переворачивая первую порцию оладий на сковородке. – Готовое тесто ни в коем случае не перемешиваем, чтобы не разрушить его воздушность. Аккуратно выкладываем тесто ложкой на раскаленную сковороду с растительным маслом. Жарим до румяности под крышкой, чтобы они пропеклись изнутри. – Он достал тарелку и, как будто заботясь о ней, разложил на неё бумажные салфетки. – Готовые оладьи выкладываем на бумажные салфетки, чтобы впитался лишний жир, и они не были слишком жирными. – Он закончил свою речь, и в его голосе звучала гордость за своё мастерство.

Артемий, словно подавая ей плод своих трудов, выложил первую порцию золотистых оладий на тарелку с салфетками, подошёл к ней, и, с нежной улыбкой, оперся о столешницу по обе стороны от неё, как будто она была сокровищем, которое он оберегал. Электричество включили как раз в тот момент, когда он, нежно, потянул вниз воротник её рубашки. Он, словно следуя невидимому зову, снова поцеловал то место ниже затылка, которое любил целовать больше всего, и медленно, словно рисуя узор, провел руками по её спине, и её тело отозвалось на его прикосновения. Вика постоянно чувствовала его губы на своей шее, даже тогда, когда его не было рядом, словно невидимая печать любви, которая оставалась на ней.

Пока пеклись оладьи, и Артемий, с нежной улыбкой, собирался поцеловать её в губы, они вдруг услышали, что кто-то настойчиво звонит в дверь, словно нарушая их идиллию. Вика, быстро спрыгнув со стола, лихорадочно оглядывала кухню, словно пытаясь скрыть следы их пребывания. Артемий, почувствовав её тревогу, взял её лицо в ладони и заставил посмотреть на него, словно хотел сказать, что всё в порядке.

– Присмотри за оладьями. Закончишь печь сама, – он, с нежностью, прижался к её губам, словно запоминая их вкус, потом отпустил её и поспешно прошёл в гостиную, чтобы взять свой рюкзак. Он, словно призрак, исчез через балкон как раз в ту минуту, когда Вика, не до конца придя в себя, открыла дверь. На пороге, с угрюмым видом, стоял её отец.

Она, стараясь выглядеть как обычно, пошла на кухню и стала собирать со стола остатки ингредиентов для оладий. Следом за ней на кухню вошёл отец, и его взгляд, словно сканер, пробежался по всему помещению. Он посмотрел по сторонам, и его взгляд зацепился за сковороду на плите и тарелку с золотистыми оладьями.

– Ты готовишь? – спросил он её, и в его голосе звучало удивление.

Вика, с учащенным сердцебиением, кивнула, потому что её сердце билось с бешеной силой, и она боялась, что отец услышит дрожь в её голосе, если она ответит. С минуту она, замерев на месте, оттирала место на столешнице, которое было идеально чистым, словно пытаясь отвлечься от страха. Потом, откашлявшись, и, стараясь говорить спокойно, сказала:

– Это оладьи.

Отец, не обращая на неё внимания, подошёл к холодильнику и достал бутылку пива.

– Электричества не было, – добавила она, стараясь объяснить всю ситуацию. – Мне стало скучно, поэтому я решила испечь оладьи, пока не дадут свет. – Она старалась, чтобы её слова звучали правдиво.

Отец сел у стола и следующие десять минут расспрашивал её о школе и о том, собирается ли она учиться в колледже. Временами, Вика видела намёк на то, какими могут быть нормальные отношения с отцом. Они просто сидели с ним за столом, обсуждали колледжи, старшую школу и выбор профессии. Хотя, по большому счёту, она ненавидела своего отца, но ей очень хотелось, чтобы таких моментов с ним было больше. Если бы только он мог всегда быть

таким, как в эти моменты, то всё было бы совершенно иначе. От его неправильного поведения страдали они с матерью.

Вика всё делала так, как сказал Артемий. После того, как закончила печь, она взяла тарелку и протянула её отцу. Ей было противно, что она так мило ведёт себя с ним. У неё было такое чувство, будто отец не заслужил этих оладий.

– Очень вкусно, – оценил отец. – Просто замечательно.

Она выдавила из себя «спасибо», хотя не одна она их пекла. Но и об этом Вика ему сказать не могла. Отец съел несколько оладий.

– Оставим немного для мамы, – сказала она, – и немного я отложу в школу на завтра. – Дождавшись, пока оладьи остынут, она положила их в пластиковый контейнер и отнесла к себе в комнату. Она даже не хотела пробовать их без Артемия, поэтому дождалась, пока он придёт поздно ночью.

– Тебе следовало бы попробовать их горячими, со сметаной или вареньем, – сказал Артемий. – В этот момент они самые вкусные.

– Мне не хотелось есть их без тебя, – ответила она. Вика принесла из кухни чай и варенье. Они сидели на кровати, прислонившись спинами к стене, и пили чай с этими бесподобными оладьями. Она сказала Артемию, что оладьи получились просто замечательные. Но не стала говорить, что это лучшие оладьи из тех, что ей доводилось пробовать. Ей не хотелось раздувать его самомнение, ей больше нравилось то, как скромно он себя ведёт.

Она попыталась взять ещё, но Артемий отодвинул от неё контейнер с оладьями и закрыл его крышкой.

– Если съешь слишком много, тебя начнёт тошнить, и моя стряпня перестанет тебе нравиться.

Вика рассмеялась:

– Это невозможно.

Артемий допил чай и встал, повернувшись лицом к кровати.

– Я кое-что сделал для тебя. – Он сунул руку в карман.

– Уже интересно. И что же это?

Он улыбнулся и покачал головой, потом вытянул вперед кулак. Вика протянула ладонь, и он уронил туда что-то твёрдое. Это был маленький деревянный цветочек размером в пару дюймов, вырезанный из дерева.

Она провела по цветочку большим пальцами, пытаясь улыбаться не слишком широко. Это не был не до конца распустившийся цветок, и он выглядел как бутон, готовый распусться. Его лепестки были неровными сам он был необычный.

– Ты это сделал? – спросила она, глядя на него снизу вверх.

Он кивнул:

– Я вырезал его старым канцелярским ножом, который нашёл в коробках на чердаке.

Лепестки цветка слегка размыкались, как будто готовые раскрыться, оставляя небольшое углубление в верхней части. Вика не знала, что сказать. Она почувствовала, как он сел рядом с ней на кровать, но никак не могла отвести взгляд от цветочка, чтобы поблагодарить его.

– Я вырезал его из ветки, – шепотом объяснил Артемий, – ветки того самого дерева у дороги.

Вика даже подумать не могла, что этот скромный дар понравится ей до такой степени. Хотя, возможно, её чувства были не к подарку, а к Артемию. Она сжала цветок в ладони, нагнулась к Артемию и поцеловала его с такой силой, что он упал на кровать. Она забросила на него ногу и оседлала его. Артемий схватил её за талию и улыбнулся.

– Я вырежу для тебя целый дом из этого дерева, если такой будет награда, – прошептал он.

Вика рассмеялась:

– Тебе пора перестать быть таким идеальным. Я и так ценю тебя больше всех остальных людей, но ситуация становится несправедливой по отношению к остальным, потому что с тобой никто никогда не сравнится.

Его рука легла ей на затылок, он уложил Вику на спину, а сам оказался сверху.

– Значит, мой план работает, и каждая бабочка ищет свой цветок. – сказал Артемий перед тем, как снова поцеловать её.

Пока они целовались, она крепко сжимала в руке цветок, желая верить, что это был обычный, ничем не примечательный подарок, просто так, для неё. Но в глубине души она боялась, что это был прощальный подарок, что Артемий дарил ей это на память перед своим отъездом в Москву, и что этот поцелуй, этот идеальный день, – это всего лишь предвестник скорого расставания.

Вика не хотела помнить Артемия, она хотела видеть и ощущать его рядом постоянно. Она считала, что если кого-то вспоминаешь, значит, этот человек перестал быть частью твоей жизни, а она не хотела, чтобы Артемий исчезал из её мира.

Она не хотела, чтобы он уезжал в Москву. Ей было больно от мысли о разлуке, но она понимала, что это эгоизм с её стороны. Он не мог продолжать жить на чердаке, у него должны быть иные перспективы, и она должна уважать это. Она не могла понять, чего боялась больше: увидеть, как он уезжает, или эгоистично умолять его остаться, лишив его возможности жить более счастливой жизнью, возможно, даже счастливее, чем с ней.

Она знала, что им нужно поговорить об этом. Но она решила, что спросит его о Москве завтра вечером, когда он придёт на ночь. Она просто не хотела спрашивать его об этом сегодня, потому что сегодняшней день был идеальным, полным любви и нежности, и она не хотела омрачать его грустными мыслями о предстоящем расставании. Она хотела продлить эту идиллию, как можно дольше.

На следующий день родители Вики вернулись домой очень поздно. Это была суббота, поэтому отец с мамой отправились на какое-то общественное мероприятие, где, как обычно, они должны были поддерживать свой социальный статус. Её отец возглавлял агентство недвижимости и, к тому же, работал в Администрации города, поэтому им приходилось часто появляться на публике, в том числе и на деловых ужинах, и ей от этого было противно. Её отцу просто нужно было поддерживать свой имидж, а о чувствах других людей он не думал.

Артемий уже был в комнате Вики, когда они вернулись домой. Она слышала, как они ссорятся, едва войдя в квартиру. Разговор был приглушённым, но ей всё равно удалось кое-что разобрать, и от этого ей стало очень грустно. Отец, как обычно, обвинял мать во флирте, в том, что она флиртовала с каким-то мужчиной на этом мероприятии, и ему было всё равно, что это не правда.

Но Вика знала свою мать, она была уверена, что она бы никогда не сделала ничего подобного, она никогда не позволила себе запятнать честь своей семьи. Скорее всего, какой-то мужчина сам оказал ей какие-то знаки внимания, и отец, как обычно, заревновал, и, словно дикий зверь, начал издеваться над ней. Ведь, по мнению Вики, её мать была настоящей красавицей, и отец не мог смириться с тем, что мужчины оказывают ей знаки внимания.

Вика услышала, как отец назвал её шлюхой, а потом до её комнаты стали доноситься звуки ударов, и сердце Вики замерло от страха. Она, полная негодования, начала выбираться из постели, чтобы защитить мать, но Артемий, словно почувствовав её порыв, схватил её за руку, потянул обратно, и, с тревогой, сказал, что не нужно вмешиваться, иначе и ей достанется, и тогда они вдвоем станут жертвами его гнева. Вика, глядя ему в глаза, попыталась объяснить ему, что иногда её присутствие помогает.

– Когда я вмешиваюсь, отец обычно отступает и успокаивается, – произнесла она, надеясь убедить Артемия в своей правоте.

– Ты уже забыла, что было в прошлый раз, – не отступал Артемий, чувствуя, как её наполняет гнев и отчаяние, словно он видел её насквозь.

Вика, не в силах больше слушать эти ужасные звуки, которые разрывали её сердце на части, встала и решительно пошла в гостиную, словно идя на войну. Артемий попытался её удержать, но она, полная страха за свою маму, оттолкнула его руку и продолжила свой путь, полная решимости защитить её.

Отец обычно расчетливо бил её туда, где не остаётся видимых синяков, словно он был профессиональным палачом, который знает, куда бить, чтобы не оставить следов. Вероятно, меньше всего на свете ему хотелось, чтобы люди в городе знали, как он обращается со своей женой, чтобы не испортить свой идеальный образ. Вика несколько раз видела, как он бил её ногами, душил, наносил удары по спине и в живот, таскал за волосы, и от этих воспоминаний её начинало тошнить. Несколько раз он бил её по лицу, но это всегда были только пощечины, поэтому следы не оставались надолго, словно это была игра, в которой он не хотел проиграть.

Вика, с замиранием сердца, заглянула в гостиную, и от увиденного её затошнило. Отец, словно безумный зверь, схватил шнур от зарядки для телефона и изо всех сил начал хлестать им мать по спине и плечам, и был слышен звук хлестких ударов и её сдавленные крики боли. Он, словно животное, повалил её на диван, взгромоздился на неё, одной рукой он держал её за горло, лишая воздуха, а другой задирает её платье. Мама, словно борясь за жизнь, пыталась отбиваться, но с каждым ударом становилась всё слабее и слабее, а Вика, словно парализованная, при виде этой ужасной картины, застыла на месте, не в силах пошевелиться. Мать умоляла его отпустить её, и тогда он, словно в насмешку, ударил её прямо в лицо и приказал заткнуться, и от этого у Вики похолодело сердце, потому что она понимала, что отец насилует её мать.

Со злостью и агрессией в голосе, словно наслаждаясь её страданиями, он произнёс:

– Заткнись, и получай внимание, которого тебе так хотелось, шлюха!

Мама, словно сломавшись, застыла и перестала сопротивляться, и только слёзы катились по её щекам. Вика слышала, как она тихо плачет, а потом, словно призывая на помощь, она произнесла:

– Пожалуйста, успокойся, Вика здесь.

Вика никогда не видела его таким. Внутри неё в это момент произошёл такой взрыв ненависти к своему отцу. Она даже не предполагала, что такое может с ней произойти.

Она пошла на кухню, открыла ящик, схватила самый большой нож, который смогла найти и... Она как будто покинула своё тело. Она как будто видела себя со стороны, видела, как идёт с ножом в руке через кухню, она была уверена, что не сможет им воспользоваться, просто ей хотелось хоть как то поставить отца на место. Но как раз перед тем, как она вышла из кухни, руки Артемия обхватили её за талию и подхватил. Она выронила нож, мать услышала это. Они встретились с ней глазами, когда Артемий нёс её обратно в спальню. Когда они снова оказались в её комнате, она принялась колотить его кулаками в грудь, пытаясь вырваться и побежать на помощь матери. Вика плакала и делала всё, чтобы убрать его с пути, но он как скала не двинулся с места.

Артемий обнял её и сказал:

– Вика, успокойся. – Он продолжал повторять это снова и снова и долго держал её, пока она не смирилась с тем, что он никуда не уйдет. Он не позволял ей снова идти туда и схватиться за нож.

Он подошёл к кровати, взял свою куртку и начал натягивать обувь.

– Твоя мама сама знает, что делать. Ведь у каждого из нас всегда есть выбор. Но если хочешь, мы идём к соседям, – сказал он. – Мы вызовем полицию.

– Полиция!

В прошлом мама предупреждала её, чтобы она не звонила в полицию. Она говорила, что это навредит репутации отца. Но, честно говоря, ей было на него наплевать. Ей было всё равно, что с ним будет, но она была уверена, что все, кто его окружал, не подозревали об ужасной стороне его жизни. Вике хотелось только одного: помочь матери, поэтому она натянула куртку и подошла к шкафу за обувью. Когда она обернулась, Артемий смотрел на дверь спальни.

Она открывалась.

В комнату вошла мать, быстро закрыла за собой дверь и заперла её. Её лицо было разбито, из губы текла кровь, волосы растрёпаны. Она посмотрела на Артемия, потом на Вику.

Вика даже не успела испугаться, что она застала парня у неё в комнате. Вика подошла к ней, взяла за руки и подвела к кровати. Она поправила ей волосы, погладила по плечам, на которых остались багровые полосы от шнура, и заговорила.

– Мы пойдём к соседям и вызовем полицию, мама. Ты согласна?

Её глаза расширились, и она затрясла головой.

– Нет, – сказала она и посмотрела на Артемия. – Нельзя. Нет.

Тот уже собирался уходить, но остановился и посмотрел на Вику.

– Отец пьян, Вика, – продолжала мать. – Он слышал, как захлопнулась твоя дверь, поэтому ушёл в нашу спальню. Он больше не будет. Если вызвать полицию, станет только хуже, поверь мне. Просто дай ему проспать, завтра всё наладится.

Вика покачала головой, от слёз у неё глаза были покрасневшими и припухшими.

– Мама, он просто издевался над тобой и пытался тебя изнасиловать!

Она опустила голову и поморщилась, когда Вика это сказала, потом снова покачала головой.

– Всё не так, Вика. Мы женаты много лет, а иногда брак – это не только... Ты слишком молода, чтобы это понять. К тому же, мы все когда то ответим за свои действия.

На минуту в комнате стало совсем тихо, а потом Вика не выдержала:

– Я надеюсь, что никогда этого не пойму.

И тут мать заплакала. Она просто обхватила голову руками и зарыдала. Вике оставалось только обнять её и плакать вместе с ней. Она никогда не видела её такой расстроенной, напуганной и несчастной. От этого у Вики защемило сердце.

Когда они успокоились, Вика оглядела комнату. Оказалось, Артемий уже ушёл. Он тактично понял, что им нужно побыть вдвоём. Они пошли на кухню, и Вика помогла матери обработать раны и привести себя в порядок. Мать так ничего и не сказала о пребывании Артемия в их квартире. Она не произнесла об этом ни слова. Вика ожидала, что она накажет её, за постороннего в квартире, но она этого не сделала. Вика поняла, что она не хочет об этом говорить, потому что не признает ситуацию. То, что причинило ей боль, было просто отправлено в дальний ящик, чтобы об этом больше никто не вспоминал.

Наступил тот день, когда Артемий, как она и боялась, уехал. Целый день Вика, словно в забытии, молча рисовала, и к концу дня даже немного устала, словно она выплеснула всю свою энергию на бумагу. Ей нужно было доверить бумаге всё то, что она чувствовала и держала в себе, иначе она просто могла сойти с ума, потому что её переполняли эмоции. Ближе к ночи, она, словно ища спасения от реальности, взяла бинокль отца и поднялась на крышу. Она долго, словно ждала чуда, смотрела через бинокль на двери чердака соседнего дома, где когда-то жил Артемий, надеясь, что там появится тусклый свет или, может быть, сам Артемий. Может, он не уехал или вернулся по какой-то причине, словно у неё была тайная надежда на то, что это был сон, и он все ещё рядом. Но её окружала лишь ночь и полная тишина, и ничто не предвещало чуда.

Их последняя ночь была для них слишком грустной, как будто они знали, что этот день будет последним. По началу они немного целовались, но это, почему то, не радовало их, как

раньше, словно поцелуи потеряли свою магию. Второй раз за два дня он сказал Вике, что передумал и никуда не поедет, что не хочет оставлять её одну, словно ища поддержки в её глазах. Она понимала, что жила как-то раньше, без него, а он без неё, и с его стороны было бы глупостью отказываться от возможности иметь дом только из-за нее, но от этого ей было не легче. Они оба это знали, но всё равно было больно, грустно и обидно.

Вика постаралась не печалиться из-за этого, поэтому пока они лежали вместе в кровати, она попросила его рассказать о Москве.

– Возможно, я приеду туда после окончания школы. – Сказала она, с мыслью о том, что ей хотелось быть там, где он.

Когда он начал говорить, в его глазах появилось странное выражение. Такого Вика никогда у него не видела. Казалось, он рассказывает о чём-то необычном.

Артемий рассказал ей, что его дядя живет в многоэтажном доме с террасой на крыше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.